

Михаил ФРИДМАН

НАВИСТЬ

Рефлексикон

Москва
2006

Фридман М.Ф.
НАВИСТЬ. – М.: Зерцало, 2006. – 352 с

Читается тройким образом: 1-е, читать и не понимать; 2-е, читать и понимать; 3-е, читать и понимать даже то, что не написано.

Я.Б. Княжнин

Каждый писатель, до известной степени, изображает в своих сочинениях самого себя, часто даже вопреки своей воле.

В. Гёте

Есть книги, которые надо только отведать, есть такие, которые лучше всего проглотить, и лишь немногие стоит разжевать и переварить...

Ф. Бэкон

Огромное спасибо:

Коллективу ОАО “Вёшки” и лично его руководителю Степанову Олегу Владимировичу за золотую рыбку, волшебную палочку и лампу Аладдина.

Поэту Харенко Геннадию Яковлевичу за Дамоклов меч, Прокрустово ложе и нить Ариадны.

Отдельная благодарность

Маме – за ящик Пандоры, страну Чудес, гусли-самогуды и сапоги-скороходы.

© М. Фридман, 2006
© Н. Назаргалина, 2006
© П. Соболев, 2006
© А. Комаров, 2006
© Т. Бондарева, 2006

ОБА...В...ТОРЕ

Наг Стернин

Мише Фридману

Годами стал длиннее,

А строками короче,
Я не скажу умнее,
Но лапидарней – очень.

Валерий Федосов

Мише

Мне нравятся стихи, что пишет Фридман Миша, –
Как будто и не пишет, – играет и поёт...
Идёт направо Кот, – мы песенку услышим,
Налево – не услышим: Умный Кот!

А крона хороша, – пленительные узы:
Поэта на цепочке гуляют – куролесь!
А я тебя хочу, приятель, отволтузить, --
Сорвись же, наконец, на жизнь, какая есть.

С тобой тузиться – мрак, а сбросить бы лет тридцать, –
Тебя я одолел бы, разделал под орех,
Но я ж тебе – не враг: ты лишь успел родиться,
А избивать младенцев – тяжкий грех...

Положим – наклепал! И праведной десницей
Я обнял бы за выю тебя и зарыдал,
Когда б ты прочитал нам Новые Страницы,
Где нервом оголённым зазвучал...

А, впрочем, не по мне учить любое племя,
Но ключ – уже на старте, и слышен рёв турбин...
Учитель Наш – вовне, и нам даётся время
Прозренья человеческих глубин.

Vellem nescire litteras.
Я желал бы не уметь писать.

Слова Нерона,
когда он подписывал смертный приговор.

* * *

Седые волосы, а в них дурные мысли.
Я поначалу их жестоко выдирал,
Но вдруг задумался,
А с чем потом останусь?
Теперь я их на память берегу
И пересчитываю – каждый поимённо.

* * *

Ветер ангажировал листву
С полиэтиленовым пакетом.
Я бы сам пустился в пляс, да где там!
Радуюсь, что всё ещё живу!

А листва сверкающей юлою
Кружится, затеяв хоровод.
И таджик с пластмассовой метлою
Не поймёт... Здесь осень круглый год!

Он следит за тем, как листья пляшут,
А ему ведь подметать потом.
И сулит берёзовую кашу
Взбалмошная тётка-управдом.

Он растаял в сладостной истоме
И не слышит тёткину брехню,
Ничего не видя в мире, кроме
Листьев. Он забыл об отчем доме!
Я его за это не виню!

Листья, как монеты и червонцы,
Ветер разметал по мостовой.
Пляшет алкоголик, пляшет солнце,
Пляшет всё с осеннею листвою!

Ветер – предок грозного Мамаю –
Русь перевернул вверх дном с утра.
Нет, а этот парень понимает,
Что такое русская хандра!

* * *

Родное моё Подмосковье,
Исхоженный мной материк!
С какой-то надеждою вновь я
Ворчу, как угрюмый старик.

Ты так и не видело моря,
Не видело гор и песков.
Мне кажется, здесь уже вскоре
Не будет простых мужиков.

Не тех, что в лаптях и портянках,
Но тех, что и впрямь от сохи,
Которым гадают цыганка,
Поэт сочиняет стихи.

Которые пьют самогонку
И песни поют под гармонь
Про эту, родную, сторонку,
Ударив ладонь о ладонь.

Я вырос на сказках о чуде.
Нет, не в Палестине мой дом,
А здесь, где хорошие люди,
Живущие честным трудом.

Где эти чумазы дети,
В которых живая (!) душа,
Что видит поэта в поэте –
Не жулика, не алкаша.

От мозга и до корневища
Тут все мы надеждой грешим.
Тут маленький город Мытищи
Считается очень большим.

И здесь этот маковый бублик –
Кольцо подмосковной земли
Пятнадцать союзных республик,
Совместно трудясь, испекли.

Мы были семьёй, но, как странно,
Теперь между нами стена.
Не из одного ли стакана
Пила лимонад вся страна?!

Попшикал его в автомате,
И вроде бы он уже чист,
Граненый стакан твой, и, кстати,
Не нужен инфекционист.

Живут на авось в Подмосковьё
И, ойкая, машут рукой.
И льётся за чьё-то здоровье
Спиртное смертельной рекой.

Старухи тот повымирали,
За ними другие пришли.
За окнами целое ралли,
Где редкость теперь “Жигули”.

Не годен на страх и на гнев я!
Всё те же дворы и дома,
Где так же лысеют деревья,
И так же линяет зима.

Царевичем вылез из кожи
И в детство одною ногой
Шагнул, будто тот же я, тот же,
Но, видимо, в чём-то – другой.

Сгибается скепис под бровью,
Как после прополки былья.
Признаюсь с любовью *сыновьей*:
“Родное моё Подмосковьё!
В тебе вся Россия моя!”

* * *

Взгляни, обыкновенное зерно.
Христос о нём сказал давным-давно.
Оно в земле погибнет, и за это
Жизнь передаст другим, как эстафету.

Так повторяется из года в год,
Хоть мышь грызёт, и воробей клюёт.
Огромный мир был на двое расколот,
Им вечно управляли Страх и Голод.

С тех пор не изменились времена
В судьбе рационального зерна.
Мир поделён на внутренний и внешний,
В нём яркий свет воюет с тьмой кромешной.

У жизни свой, неправильный, закон,
Который опровергнул бы Ньютон.
Зерно уравнивает силы,
Рождаясь удивлённо из могилы,

Чтоб лишний раз собой напомнить мне,
Что смысл жизни в этом вот зерне,
Ведь всё живое на земле, бесспорно,
Живёт лишь для того, чтоб делать зёрна.

Моим зерном являются стихи,
Единственная из шести стихий,
Что тянется из тьмы рукою к свету,
Чтоб передать потомкам эстафету.

* * *

Наблюдаю за бутоном
Неизвестного цветка.
Набухает по законам,
Мной непознанным пока.

Как ему помочь раскрыться?!
Как он терпеливо ждёт?!
Ждёт, когда придёт черёд
Прорасти в моей петлице.

Или, распахнув слюду,
Пасть к ногам, к прекрасной даме.
Или труп со слезами
В мир загробный отдадут?

Может быть, их миллионы,
Только мне попался он,
Нераскрывшийся бутон
В мире, где одни бутоны.

Не дают им расцвести,
Распуститься – как жестоко!
Их срезают раньше срока
На базар скорей снести!

Я держу щеку десницей,
Рядом мальчик с калачом.
Он старается раскрыться,
Жаль, что я тут не причём!

* * *

Хочется верить, что будет не хуже:
Мир повзрослеет и станет мудрей.
Всё, что внутри в нём, и всё, что снаружи,
Скоро откроет какой-то еврей.

Будет поэтом он или учёным?
Важно, кто мы, и не важно, кто он.
Станет от истины так горячо нам,
Что не остудят ни миф, ни закон.

Мы будем думать об истине реже,
Мы – между прошлым и будущим нить.
Мир изменился, а люди всё те же!
Кто бы мог этих людей изменить?!

Мир, целый мир, отражается в луже.
Птичка клюёт: за поклоном поклон.
Бог ей горсть зёрен подбросил на ужин.
Кто этот Бог? Нет, скажи, почему же,
Важно, кто мы, и не важно, кто Он?!

* * *

Сон – репетиция смерти!
Молча лежу на диване я.
Как театральные люстры,
Медленно гаснет сознание.

Жизнь замирает во времени,
Час спрессовав до мгновения.
Оле Лукойе, подув в меня,
Начал своё представление.

Я стал чудною Алисою
В сказке у Льюиса Кэрролла,
И в математику с логикой
Самозабвенно уверовал.

К яви привязанный ниточкой,
Я Алигьери преследовал.
Там же постиг апокалипсис,
Бог мне смириться советовал.

Вот уже ниточка кончилась,
Бросишь – и путь не отыщется.
Шаг разделит представление
И преставленье мытищинца.

Сон – это лишь репетиция:
Может быть, смерть не получится!
Есть же на свете бессонница –
Оле Лукойе попутчица.

* * *

Месяц – в профиль. Молчалив и прост.
Выпендрился перед сонмом звёзд.
Светит, как фонарик вдалеке,
И его бьёт месяц по щеке.

А в ответ ни слова – тишина!
Завтра ночью – полная луна.
Послезавтра, лёжа на боку,
Он другую выставит щеку.

Месяц – в профиль. Как всегда один.
Ветер бьёт? Терпи, христианин!

* * *

Спасибо за твоё «Спокойной ночи».
Я всё равно сегодня не засну.
Включу приёмник. Громче! Громче!! Громче!!!
Чтоб напугать до смерти тишину.

Зажгу поникшее со стенки бра,
Чтоб темнота сбежала за окошко.
И, мысли разбирая как матрёшку,
Я досуха наплачусь до утра.

В окне зима, как белая герань.
А я м-м-мычу: “У мачо нету мочи!”
Спасибо за “Не надо, перестань!”
За “Не могу” и за “Спокойной ночи”!

* * *

Только в твоих объятиях
Я чувствую себя защищённым
От этого мира,
В котором меня никто не понимает.

Только в твоих объятиях
Мне по-настоящему тепло,
Даже тогда, когда снег от холода
Прячется в небе,
А река от мороза
Зажмуривается толстою коркой льда.

Только в твоих объятиях
Я чувствую себя снова ребёнком
И слышу голоса цветов –
Влюблённых в меня трав.

Только в твоих объятиях
Я понимаю, что всё остальное –
Неважно!
И если бы пришла смерть,
Я бы хотел её встретить
Только в твоих объятиях!

Чтобы ты передала меня ей
Из рук в руки, осторожно:
Как повивальная бабка
Передаёт младенца
Его матери.

* * *

Представитель прошлой эры
Перешёл я в новый век,
Где совсем иные меры,
Всё иное, даже снег!

Тут текут другие реки.
На щите и со щитом
Я ногами в этом веке,
А душой и сердцем – в том!

Тут состарились соседи,
Поржавели кладенцы,
Шкуру дохлого медведя
Делят *псевдохрабрецы*.

Нет детей в библиотеке,
Нету пряника с кнутом.
Я ногами в этом веке,
А душой и сердцем – в том!

Тут сплошь гоблины и тролли,
Дышит в спину *неуют*.
Всё, чему не учат в школе,
Нынче в школе узнают.

Тут всеобщий хадж из Мекки,
Взрывы, выстрелы кругом.
Я ногами в этом веке,
А душой и сердцем – в том!

В том, где бабушкины песни,
В том, где мамины блины,
В том, где не было, хоть тресни,
Необъявленной войны!

В том я в каждом человеке
Видел друга и потом
Верил в счастье в этом веке,
А оно осталось в том!

* * *

Ворона, будто старая еврейка!
Ладони за спиной, в глазах вопрос,
И задран кверху характерный нос.
На солнце, не взирая на мороз,
Глядит, как на хрущёвскую копейку.

Вразвалочку бредёт по мостовой
И недовольно каркает, похоже,
Не нравится ей ни поэт прохожий,
Ни синий от мороза постовой.
А, может, я и он – одно и то же?!

С походкой грациозной, как у мэра,
С хозяйским взглядом и басовым “Карр!”
Она выходит важно на бульвар
И каркает на голубя: “Знай меру!
А то так допаришь и до... до... Карр!”

Жизнь – это ралли. Мельтешит железо.
Ворона скоростью возмущена.
Неторопливо шествует она,
Как будто бы под звуки полонеза,
Хотя вокруг грохочет тишина.

Слетевшись, матерятся воробьи,
Как будто их сюда прислал Макаров.
И ангелочки снега – рой Икаров –
Спускаются на волосы мои.
И вьюга сеет снег вдоль тротуаров.

Старуха в чёрно-серой телогрейке
Уставилась на двадцать первый век
И смотрит так, как смотрит человек.
Ворона будто старая еврейка,
Как с неба манну ловит клювом снег.

Не нужно никаких мне синих птиц –
Вороной вся душа моя согрета.
И слышу я «Кар-рету мне, кар-рету!»
И словно слёзы, талый снег с ресниц.
Как бабушка моя ворона эта!

* * *

Мне досталась в наследство тётка,
Вместо денег квартир и дач.
Настоящая идиотка,
Как никак, а родня, хоть плачь.

Загнала в гроб сестру родную,
А племянник заснул – сожгла.
И которую ночь не засну я,
Потому что такие дела.

Фактов нет – есть одни догадки,
Но догадкам не верит суд.
Ни отца нет, ни бабки – взятки
Не вернут их и не спасут.

И живу, ежедневно дрожа я.
То, что сделала тётка – нельзя.
Но за это, увы, не сажают,
Вышей мерой, увы, не грозят.

Я б до смерти упился водкой –
Не поможет зелёный змей.
Мне в наследство досталась тётка –
Остальное досталось ей!

* * *

Мне двадцать пять – я подвожу черту.
Три дня назад мы хоронили дядю,
Священник отпевал его, не глядя,
Но так, что пахло скорбью за версту,
До сей поры я в траурном наряде.

Я мыслями о будущем завьюжен.
Перед глазами гроб роскошный, но
Тому, кто продавал его – не нужен,
Тому, кто покупал его – не нужен,
Тому, кому он нужен – всё равно.

С церковных стен святые горько плачут,
И плачет в скорбном трауре родня.
Скрестив два пальца, как бы на удачу,
Никола Чудотворец – не иначе –
С иконы грозно смотрит на меня.

На куполах сияют плюсы в злате,
А каждый купол – стрелка в небеса.
Моя душа готовится к расплате,
И мысль ко мне вчера пришла некстати:
Вся жизнь прошла, как фильм, за два часа.

Зачем нам жизнь дана, чего же ради
Жизнь началась и близится к концу,
И бесполезно думать о пощаде:
Три дня назад мы хоронили дядю,
Вчера отметил сорок дней отцу.

Сегодня двадцать пять свечей из торта
Блестят, как купола, а я расту.
Мой путь проложен от креста к кресту.
И я послал бы вечный траур к чёрту,
Но я под жизнью подвожу черту.

* * *

Кто стихи взахлёб читает часто,
Тот поэтов знает хорошо.
Говорят, Кузмин был педерастом,
А Сергей Есенин – алкашом!

Маяковский жаждал “групповухи”!
Незаконнорожденным был Фет!
Нашу жизнь переполняют слухи,
И, по ним, чего в ней только нет!

Что поэту только ни припишут!
В чём он перед нами виноват?!
В том, что он нас несравнимо выше
И не слышит, что здесь говорят!

Тут ему не повезло родиться,
И покоя не находит труп
Тут, в стране берёзового ситца
Под ноктюрны водосточных труб.

Он – поэт. Он к нам пришёл с приветом,
И от нас с приветом он уйдёт.
В чём предназначение поэта?!
Как форель он разбивает лёд!

Этот мир один большой Освенцим,
И поэтов здесь не ждут, а жгут!
Посвящаю это извращенцам,
Что вершат несправедливый суд!

* * *

Перебираю чётки терпеливо
И думаю о смысле жизни: Н-да,
Бессовестный ты, стало быть, счастливый!
Счастливее не будешь никогда.

Тебя друзья и те клеймят: “Подонки!”
Стой на своём, не поддавайся им!
Бессовестным рождается ребёнок,
Бессовестным, счастливым и святым!

* * *

Тот, кто болеет душою
За справедливость и честь,
Знает, какое большое
Сопротивление есть.

Хочется сделать светлее
Мир... но ворчат за спиной:
“Если душою болеет,
Значит, душевнобольной!”

* * *

Ночь распята на крестах подъёмных кранов!
Город *ороговевает* в кирпиче.
Окна стали миллионами экранов.
Ветер мечется мятежным духом Че.

Фонари, в шеренгу встав по стойке «смирно»,
Охраняют молча мой полночный путь.
Грусть своим локтём упёрлась в бок настырно,
Надавила, что не охнуть, не вздохнуть.

Поджелудочная пляшет тарантеллу,
Сердце бьётся, барабаня, как в тамтам.
Ночь, как мавр, как ревнующий Отелло,
Дышит в спину мне, крадёт по пятам.

Я оглядываюсь, чтоб не удавили:
Я не каялся, но знаю: есть вина!
И уставилась собакой Баскервилля
С неба фосфорно-свирепая луна.

* * *

Синий, зелёный и серый цвета –
Вот триколор пилигрима.
Всё в них: и истина, и красота –
Всё, что мне необходимо.

Небо, деревья, асфальт – их цвета
Спутники каждой дороги.
Жизнь начинается вновь не с листа –
С первого шага у многих.

Над головой моей солнце печёт,
Дышат в затылок мне ветры,
Длится судьба, где седой звездочёт
Дни перевёл в километры.

Месяц, мой друг, одноглазый пират
Ночью не спит – бедолага,
Звёзды считать – за каратом карат –
Сел он у чёрного флага.

Утром, зевая, я выйду во двор.
Быстро, на зависть улиткам,
Перед собой развернув триколор,
Буду ногами вести разговор
С серым асфальтовым свитком.

*

*

*

Кулисы, в которых разрез для лица,
Способны из девушки сделать гусара.
Так с магнием снимут, что старая Сара
В Абраме увидит своём сорванца!
Наш гимн, на кулисы похожий немного,
С единым разрезом для тысячи рыл,
Где “Сталин великий нам путь озарил”!
И “Ленин великий нам путь озарил”!
И Брежнев великий нам путь озарил!
И Ельцин великий нам путь озарил!
И Путин великий нам путь озарил!
А кто же теперь озарит нам дорогу?!

* * *

Из сердца выкорчёвываю память о тебе.
Любовь прошла, но в голове снуют дурные мысли.
И сердце вырвется вот-вот,
 не знаю – вверх ли, вниз ли.
Но жребий брошен – всё уже разыграно в судьбе.

Ни горячо, ни холодно, а как-то очень странно:
То нежно пёрышком прильнёт,
 то уцпишнёт, как йод.
Любовь – от выстрела Амура колотая рана!
О ней седой мудрец сказал: “До свадьбы заживёт!”

* * *

Я не знаю, может, так и надо
Не любить, а просто делать вид,
Будто понимаешь с полувзгляда,
Будто бы душой к душе привит.

Делай вид спокойно и серьёзно,
Убеди весь мир, что ты актёр,
Только ночи тихой и беззвёздной
Ты не ставь бессонницу в укор.

Ночь чернее обувного крема!
Чь! Поёт влюблённый соловей.
Будь он проклят – мне б его проблемы
На закате юности моей!

Я гуляю по ночному саду,
Босиком по ледяной росе.
Я не знаю, может, так и надо:
Делать вид и быть таким, как все!

* * *

Я родился обычным, несчастным,
Без надежды стать суперзвездой,
Только в жизни не всё однозначно:
Радий тоже разбавлен рудой.

Накопил судьбоносную силу
За века, пока не был зачат,
И теперь наблюдаю уныло
То, о чём даже камни молчат.

Я отвык от дешёвых игрушек.
Вера в чудо – занятный процесс:
Расколдовывать грустных лягушек
Поцелуем в прекрасных принцесс.

Разжигать одиночеством пламя,
Чтоб узнать о любви не из книг.
Передать это чувство стихами
И... стать принцем, хотя бы на миг.

Пусть планета, что кружится в танце –
Легкомысленно, пусть! – её к лицу –
Называет меня самозванцем.
Я сложу о ней дивные стансы
И прочту их в молитве Отцу!

* * *

“Я поэт и этим интересен”.
Мир поделен на меня и всех.
Есть поэт, всё остальное – плесень,
И стихи – мой первородный грех!

Ради них я откажусь от мира,
Ради них я завладею им.
Ради них я превзойду Шекспира
И останусь *вечномолодым*.

Буду жить без денег и без власти.
Знаю, будет жизнь моя горька,
Выдавая за земное счастье
Факт, что получается строка.

Череп мой для разума так тесен,
Что, *наморщась*, съёжились мозги.
Мир, уставший от поповых песен,
Ждёт, что я спою, попав в тиски.

Не старайтесь – тщетно, не зажмите!
Эхоть буду тысячами эх!
Эхом станет дух, живя вне плоти,
И дойдёт, как истина, до всех.
Эх, вы люди! Эх, вы плесень! Эх!

* * *

Гордиться особенно нечем пока.
С рождения я обделён был благами.
В душе моей пёстрый цветастый орнамент,
В душе, наделённой судьбою цветка.

А внешне – таких же, как я – миллионы.
Снаружи одно, и другое внутри.
Душа развивается в виде бутона –
Секатором ты на неё не смотри!

Не рви его, слышишь, пока не расцвёл он,
Пока он надежды на лучшее полон,
Пока он живёт, ничему не грозя –
Нельзя так с живым человеком, нельзя!

* * *

Раньше я любил одиночество,
Теперь я его ненавижу.

Человек никогда не остаётся один:
Либо его окружают дурные мысли,
Либо – дурные люди.
И не понятно ещё, что хуже!

Одно порождает другое,
И ни то, ни другое
Не делает человека счастливее!

В самой природе заложен
Отказ от одиночества:
В мире нет совсем одинаковых
Предметов, хотя все они
Так или иначе друг на друга похожи.

Капля, падая на твёрдую поверхность,
Старается растечься, чтобы слиться
С себе подобными, не подозревая,
Что она одна и остаются считанные минуты
До летального исхода,
Когда она улетит в виде пара.

Цветок расцветает, привлекая
К себе собирающих нектар
В надежде на выполнение
Своего истинного предназначения
И забывая о том, что садовник зачастую
Оказывается проворнее насекомого.

Честный человек всегда одинок,
Его постоянно обманывают,
Рассчитывая на то, что честность сродни глупости.
А он никогда не разоблачает лжеца,
И не потому, что глупее его, а потому,
Что хочет думать о нём лучше,
Чем тот есть на самом деле.

Раньше я любил свои мысли,
И как только понял, что они дурные,
Эта любовь стала взаимной!

* * *

Желтеют листья на осенних клёнах.
И ветер дует быстро, как... «Апчхи!»
И за окошком парочка влюблённых
Друг другу декламирует стихи.

Танцует дворик с ветром, как цыганка,
В цветастые одежды *облачась*,
А на асфальт, как скатерть-самобранка,
Листва кленовым пазлом улеглась.

Я плюхнулся на старенькое кресло,
Смотрю в окно на осень битый час.
Как будто детство в памяти воскресло,
И твёрдый нрав растаял, как свеча.

Сажу в тепле и мучаю приёмник,
А он ш-ш-шипит и рвётся прочь из рук.
Я знаю всё, но многого не помню.
Моя судьба – смешной смертельный трюк.

Вчера промок: в дырявые доспехи
Вползли микробы: сплин и ОРВИ, –
Заставив плакать на глазах у всех и
Смирять волнение в голубой крови.

Помехи, а за ними, как ни странно,
По радиоволнам бегут валы.
Проблеял сам!.. министр с Азербайджана,
Сын соловья, Полад Бюль-бюль оглы!

Рычит Джо Кокер, надрываясь гневно.
Я очарован, хоть и не бельме...
Свистяще-лающий, он ежедневно
Склерозу вторит: “N’oublies jamais!”

Буйнов – весёлый парень – спел о тёте.
Претенциозен Басков чересчур.
Сладкогнусавый Эрос Рамазотти
И *амурлыкающий* Азнавур.

Скрипят с пластинок Отс, Бернес и Козин,
И на душе становится светлей,
Как будто эта золотая осень
На душу льёт божественный елей.

Смотрю в окно, под пожелтевшим клёном
Звучат необъяснимые стихи,
Как истина, открытая влюблённым!
Как правда настоящая! Апчхи!

* * *

Берёза-берёза, сестра милосердия!
Врачуешь тоску вдохновением ты,
Спасаеть коснувшегося бересты,
И твой, только твой, от рожденья до смерти я!

Твоя береста – эта tabula rasa –
Пленяет поэта своей белизной.
Бормочет он перед влюблённой луной,
Купая в люпиновом море Пегаса.

Сюда тебя ветер с Парнаса принёс,
И дождик пролился, как Фебовы слёзы.
И зашелестели стихами берёзы –
Какой же в России поэт без берёз?!

Мне кажется, будто ты знаешь заранее
Поэта бесхитростное колдовство,
Шепча низкорослым деревьям познания
О том, что не знают они ничего.

* * *

Мы живём, всю жизнь мудрея,
ведь без мудрости никто ты,
И одни и те же зубы
в нас по-разному стоят.
Виноград в руках евреев,
соблюдающих субботы, –
Это несравнимо больше,
чем обычный виноград!

Наше дело – Cosa Nostra –
мы зовём его гешефтом.
Наши мысли – все – кошеры,
в них, как в ткани – шаатнез.
Я в Евангелие верил,
мне сказал раввин, что блеф там:
Отпрыск плотника не может
быть посланником небес!

Наше место где-то с краю,
так как с краю больше видно.
Мы живём, приумножая
всё, что всем принадлежит,
Всё: науку и искусство.
И, конечно же, обидно,
Если мне а гой безродный
прожужжит сквозь зубы: “Ж-ж-жид!”

“Бей жидов – спасай Россию!” –
это вроде где-то было.
Я уже привык не слушать –
шовинистская фигня!
Жизнь закончится. В объяття

распростёртые могила
Примет всех: плешивых дурней
и кудрявого меня!

А пока хрустит мацою
и читает тору кто-то,
Пью кошерное и млею:
Я – еврей! И очень рад!
Виноград в руках евреев,
соблюдающих субботы, –
Это несравнимо больше,
чем обычный виноград!

* * *

Хочется на сей раз обмануться.
Хочется поверить, что любим.
Всё есть: и каёмочка на блюде,
И ладошка нежная под ним.

Но не верю! Черт возьми, не верю!
Всё уж как-то слишком хорошо.
Я зашёл в вечерний кафетерий,
К Воланду, на бал его, зашёл.

Оглянулся, всюду вурдалаки,
Пьют наивность, зубками блестя.
Я сюда пришёл в зелёном фраке,
Робкий и наивный, как дитя.

Я осмеян мордою небритой
Людоеда. Что ни говори,
Никогда не будет с Маргаритой
Тот, о ком писал Экзюпери.

Тот, кого воспитывал Конфуций...
Кофе – кисло-горькая хандра!..
Хочется ещё раз обмануться
И прожить сегодня, как вчера!

* * *

Жертва необъявленной войны,
Я один воюю против мира.
Будто карцер, тесная квартира:
На одну бойницу три стены.
За стеной чуть что, так льнёт к стене –
У неё фонендоскопом ухо –
Вредная противная старуха.
Помереть мечтает в тишине.

Ждёт шифровку, слушая «Маяк».
Я иду в условленное место.
В магазин. У первого подъезда
Дознаватель спросит «что да как».
Бабка щёчку, подперев ладошкой,
Ждёт объект, как снайпер, у окошка.
На углу дневальный-часовой,
Вусмерть пьяный, но ещё живой.
На пароль: “Добавь, браток, не ахай...”
Я отвечу: “Да пошёл ты...”
И пойду за хлебом в магазин.
Я как Штирлиц, я всегда один.

Возвращаюсь. Слышу чью-то брань.
На окошке расцвела герань.
Вместо Чудотворца образ Сталина.
Муж вернулся. Явка тут провалена.
Нет, а что такого?.. Как орёт!
Перепуганный домой бегу я.
Те же бабки ходят взад-вперёд,
Патрулируя и пеленгуя.

* * *

Страдаю от любви неразделённой,
Бешусь и морщусь, как от похорон,
Когда в обнимку парочки влюблённых
Идут навстречу мне со всех сторон.

Когда вокруг целуются так страстно,
Что завидно – вскрой вены и ори!
Раскрашивай своею кровью красной
Не красные ночные фонари.

Ты однолюб! Тебе ль ходить налево?!
Твой путь другой, в тебе иная прыть!
Ты не любим! И лишь со старой девой
Ты можешь о любви поговорить!

* * *

Я пришёл на приём к депутату,
Он назначил мне время и дату.
Ждал полдня и услышал потом:
“Извините, приёма не будет.
Не могу, у меня сейчас люди.”
Я подумал: “А я тогда кто?”

* * *

Живу пока – чего ещё
Придурку делать нынче?
Несметное сокровище,
Ничейная добыча.

Живу никем ненайденный,
Ищу под солнцем места
От Марианской впадины
И до... до Эвереста!

Живу никем непонятый,
На зависть всем, возможно.
Весь мир как на ладони – так,
Что даже как-то тошно.

Скулю от боли ноющей,
От лучшей из эмоций,
Живу, надеясь – что ещё
Придурку остаётся?!

* * *

У телефона молча, как с кубышкой,
Сижусь с пузатой записною книжкой,
Которая никак не разродится.
Листаю в ней страницу за страницей,
Но так вот никому и не звоню.

Мне грустно. Телефон как будто в коме.
И прижилась с кикиморою в доме
Тоска, как чувство «никому не нужен».
Я съел один на две персоны ужин,
Составив ресторанное меню.

Друзья растеряны, с любовью – промах!
Зато полно завистливых знакомых!
Они и наполняют жизнь мне смыслом:
Один с лицом *лимонуксуснокислым*,
Другой уставился из-под лба,

А третий ухмыляется, мол, ну-ка!..
Ах, боже мой, какая это мука
Следить за тем, как гномы и пигмеи
Атланта дразнят низостью своею.
И это называется судьба?!

Среди приятелей моих нет тоже
Того, чей голос грусть развеять может.

Спокойствие. Путь к смерти очень зыбок.
В безмолвии аквариумных рыбок
Заря задует солнце, как свечу.

Так день за днём, неделя за неделей.
Съев *антидепрессантной* карамели,
У телефона, плача как мальчишка,
Сажу с пузатой записною книжкой,
Но телефон молчит, и я молчу!

* * *

Жизнь – это нечто... на палочке.
Или я жить не умею?
Жизнь начинается с галочки
И завершается ею.

Я не впадаю в уныние.
Просто я понял отныне:
Жизнь – это галочка – линия,
Сломанная в середине.

* * *

Зима полна немислимой печали.
На сером небе кляксы воронья.
Берёза безутешна, как вдова,
И снег хрустит крахмальный под ногами.

Луна как будто при смерти с утра,
Беспомощно глядит с небес на землю.
И зависть заедает – как заеда:
Живому – мне – завидует она.

Печалью небо затянули тучи,
И ветер хочет сдуть меня с земли.
В душе – зима. Надежда из души
Сбежала бы, да не раздвинет прутья:

Грудная клетка, видимо, прочна.
Надежда не поёт в ней больше песен,
А грустно смотрит сквозь решётку в небо,
Где Бог на снег кромсает белый флаг.

* * *

АД – алмазная долина,
Здесь светло и без свечей.
Изумрудная равнина,
Бриллиантовый ручей.

Тут кругом цветут тюльпаны,
И под трели соловья
Я брожу, как будто пьяный,
Вдоль звенящего ручья.

Сад благоуханьем может
Вдохновить, и... запою!
Здесь прекрасно! Только гложет
Мысль о том, что ты в раю.

* * *

Мне снился Версаль и его мушкетёры.
Не знаю, к чему, но хороший был сон.
Мне снился чертовски красивый гарсон,
Который мне нёс на обед мухоморы.

Мне снилась принцесса в ажурном белье.
Мне снилась порочная муза – Миледи,
И, вроде, я был у неё на обеде,
И, вроде, вино пил с самим Ришелье.

Мне снились гвардейцы в пурпурных нарядах,
И перья их шляп, и их острые шпаги.
Я белые лилии видел на флаге,
И знатных людей в королевских наградах

За их неземное стремленье к победе,
За их нетерпение вытерпеть боль.
И вдруг я задумался, где же король?
И как ты похожа на эту Миледи?

Мне снилось какое-то странное солнце.
Его б я, пожалуй, сравнил с хрусталём.
Ой! Кто-то меня обозвал королём,
А я так спокоен и испепелён
Завистливым взглядом смешного гасконца,

В котором Боярского вдруг я признал,
В бордовом берете и с ломаным носом,
С лукавым лицом, удручённым вопросом,
Кому он продаст свой гасконский запал?

Морфей подарил мне сию красоту.
Миледи в бокал мне подсыпала яда,
И я закричал ей: “Не надо! Не надо!”
И сон оборвался в холодном поту.

Меня напугал этот крик, как клаксон.
Не знаю, к чему, но красивый был сон!

* * *

Ржав или рыж, как от хны, закат!
Надо ль напрасно ресницами хлопать?
День догорит и останется копоть –
Мудрость проста как агитплакат.

Слово твоё, как аванс, берегу,
Но для чего оно мне, я не знаю.
Я, как пророк – вечный узник Синая,
Перед судьбой в неоплатном долгу.

Видно, теперь для любви не сезон!
Ты, как разведчик, со мной осторожна.
Вижу насквозь тебя, как горизонт –
Цель, до которой дойти невозможно!

* * *

Когда-то, друг мой, отвезут и нас в морг:
Терпенье выйдет прочь из берегов.
Ничто так не нервирует как насморк –
Как будто разжижение мозгов!

Без повода я, как ребёнок, плачу.
Проходим: одному – так всё равно,
Другому – грустно, третьему – смешно –
Судьба за гордость даст сарказмом сдачу!

Иду, а слёзы сыплются из глаз,
Как из кулька худого струйка соли.
И мочи нету от душевной боли,
Что даже атеист за день пять раз
Зажжёт свечу и совершит намаз!

Но Бог пойдёт и с фармацевтом на спор!
Мир кружится, в ушах лишь гром шагов.

Ничто так не нервирует как насморк –
Как будто разжижение мозгов!

Я Богу помолюсь, домой придя:
“Господь, побилуй гдешдого бедя!”

* * *

Эти волосы пахнут ромом.
Я, вдыхая их запах, пьянею.
Эти очи ещё зеленее,
Чем полутораокись хрома.

Одиночество – мой полустанок.
Злые мысли меня отыскали.
Я попал в пёстрый омут цыганок,
Утонув в нём, как льдинка в бокале.

Мне судьба исчеркала ладошку
В тушиках, перекрёстках, развязках.
Я наивный, я вырос на сказках,
Только в жизни не всё понарошку.

И от правды живётся не проще,
Разве что расправляются плечи.
Красоту ощущаю на ощупь,
Только разве от этого легче?

Я грущу, как гвоздика, в петлице.
Изнемог от лукавой истомы.
Эти волосы пахнут ромом,
От которого можно спиться!

* * *

В моей груди блуждает пустота,
Навзрыд стенаю от фантомной боли.
Я о душе узнал впервые в школе,
Узнал, хоть и не понял ни черта.

Сейчас во мне беснуется психея,
И мысли, будто языки огня.
А плоть, что я всегда считал своею,
Нахально игнорирует меня!

Надежда тлеет палочкой сандала,
И в пряном аромате слышен стон.
Пришла любовь. В глазах застыл фотон.
Душа изнемогла, и плоть устала!

И всё вокруг не то, и жизнь не та!

И хочется воскликнуть счастьем, где ж ты?!
Но счастья нет! и выдохлась мечта!
Погиб поэт, причина – смерть – проста:
Нашёл любовь и потерял надежду!

* * *

Хочу купить три сотки на луне,
Чтоб бороздить их на велосипеде,
Чтоб не встречать назойливых соседей,
Случайно забредающих ко мне.

Мы разные, а, значит, мне – туда!
Хочу, чтоб мне землянин удивился,
И на вопрос: “Ты что, с луны свалился?”
Сказать ему решительное “Да!”

* * *

Мы с тобой не виделись три стихотворения:
О разлуке, гордости и моей тоске.
Ты теперь являешься только на мгновение,
Только в сновидении, только вдалеке.

Сон похож на кружево, сон похож на крошево:
Мысли, чувства, образы выстроены в ряд,
Только вот в порядке их ничего хорошего:
Так никто не делает, так не говорят.

В жизни всё бывает, но не одновременно.
Роли всем расписаны: и тебе и мне.
Мы с тобою разные, да и в нашем племени
Вера на апокрифах зиждется во сне.

Мир живёт. Мир движется. Миром движет трение.
Всё в нём перепутано – это месь лгуну.
Мы с тобой не виделись три стихотворения –
Допишу четвёртое и опять засну.

* * *

Наши троллейбусы рядом стоят.
Сквозь два стекла вижу ясный твой взгляд,

Только сказать ничего не могу –
Ты как ромашка на том берегу.

Лбом я к стеклу прислонился в упор.
Глазом зелёным мигнул светофор.

В разные стороны нас повезли –
В два направления круглой земли.

Жду, может, встретимся вновь, как тогда...
Но твой троллейбус свернул не туда!

* * *

Смотрю на небеса лазурно-синие,
На церкви, что плодятся, как грибы.
Как будто ёлки в серебристом инее,
Стоят высоковольтные столбы.

И дышит осень сыростью и холодом.
Всю осень: с августа до ноября –
Деревья расточительно, как золото,
Роняют листики календаря.

Невеста-осень сказочно богатая,
Но птицы всё равно летят на юг,
Весь день кружат над обветшалой хатой,

Пытаясь лето возвратить, а вдруг

За этой вот высоковольтной линией
Цветёт каштан под трели соловья.
Смотрю на небеса лазурно-синие
И ничего не понимаю я!

* * *

Мой начальник ходит в мини-юбке,
В туфельках на очень тонкой шпильке
И клубничкой складывает губки
Со стеклянным взглядом, как у кильки.

В этом облачении неброском
Он с коварством ста домашних кошек
Думает отнюдь не серым мозгом,
А зелёным – в розовый горошек.

* * *

Я помню всё: глаза, как горький шоколад,
Седые волосы, подкрашенные басмой,
Уста, как вишенка, лоб без морщин, взгляд ясный,
Под старость всё же отыскавший путь назад.
Я помню всех её подруг: “Чьтоби да, так нет”,
“Шо ца таке”, “А зох ун вэй” и тётю Валю.
Я помню всё: азу, форшмак и винегрет,
Хохляцкий борщ, узбекский плов,

харчо с хинкали.

Соседка бабушку жидовкой назовёт,

В сердцах, по глупости, потом не спит ночами.
Та ухмыльнётся, промолчав, пожмёт плечами,
Как будто бы на ней надет громоотвод.
Она знакома всем, и все тут ей знакомы.
Бывало так: иду один, смотрю: “а гой”,
А он ко мне с поклоном: “Здгхаствуй, догхогой.
Чьто слыщно? Как там бабушка? Как дома?”

Я помню всё: глаза огромного калибра,
Её улыбку, за которой грусть-тоска
О том, что жизнь прошла, и смерть уже близка,
Речь: что ни фраза – точно строчка из верлибра.

И всё равно ей: что весло, что веер –
Ну, настоящая Голда Меир!

Её слова меня пронзали, как копье,
И прошибали, будто водка без закуски,
Но в паспорте моём написано: я – русский.
Я русский, полностью похожий на неё.

* * *

Откуда скандальная слава,
Что я бузотёр-дебошир?
Откуда почётное право
Винить в эгоизме весь мир?

Откуда способность предвидеть
Грядущее, споря с былым?
Увидеть и возненавидеть
Того, кто тебя сделал злым?

Откуда одна из историй –
Судьба, на которой печать?
Откуда желание спорить
Тогда, когда надо молчать?

Наивность моя бесконечна:
Я верю и тут же плююсь.
Судьба моя кем-то помечена,
Как кем-то помечена Русь.

Страна со скандальной славой,
Страна с непростою судьбой,
Страна, по которой лукавый
Ведёт дураков за собой.

Иду по дороге какой-то,
Она – на ладони Руси.
Судьба моя, как синусоида,
Колеблется вдаль по оси.

* * *

Когда заря стальное солнце плавит
И новый день из времени куёт,
Дымит труба-вулкан, в лиловой лаве
Клубится, сублимируется йод.

Луна горит, как лампа, в полнакала,
Висит на небе, как на стенке бра,
Чтоб дворничиха-вьюга посыпала
С утра проспект хлоридом серебра.

На окнах распускаются бутоны –
Хрустальные. Они цветут зимой.
Из снега, как из железобетона,
Восходит замок с башней и тюрьмой.

Дрожит алкаш, с утра во рту ни грамма.
Трясутся руки, и душа болит.
Старушки возвращаются из храма.
На паперти стенает инвалид.

Дитя мамашу запрягает в санки.
Погасли звёзды. Всё бледней луна.
И солнце выезжает, как на танке –
И это всё я вижу из окна!

* * *

Снег – обычное дело зимой!
Снег вальсирует хлопьями резво.
Я не пьяный и всё же не трезвый
Возвращаюсь под вечер домой.

И танцуют снежинки по кругу,
Покидая небесную высь –
Все по парам уже разбрелись,
В поцелуе примёрзнув друг к другу.

Я стою по колено в снегу.
Мне б идти, я стою от бессилья.
Вальс сменяется шустрой кадрилию –
Жаль, что я танцевать не могу.

На щеках багровеет румянец.
Распустив миллионы петель,
Подлетает ко мне вдруг метель,
Объявляя для нас белый танец.

Надо мною грустит чей-то взгляд.
Что грустишь – улыбнулся хотя бы?
Ухмыляются снежные бабы
И платочки в руках теребят.

Боже мой, как мне это знакомо!
Я иду всё быстрее и быстрее.
Смотрят вслед мне глаза фонарей,
Провожая до самого дома.

Другое поколение –
мы их не понимаем –
они не слышат нас.
Они готовы сутками
валяться на диване,
не отрывая задницы.
сидят у телевизора,
идя по лабиринтам вдаль,
Бегут, пока не шлёпнутся,
когда энергетический
отождествлённый с близкими,
которые как будто бы
которые нередко
поскольку виртуальность
Меня место жительства,
разыскивая чёрную в
попав в тенёты липкие,
напишут на прощание
Им плата материнская
Им почту электронную
Но что же для компьютерщика
О чём же загружающийся
Они живут не так, как мы,
Их память в байтах с битами
Желанья их, которые
известны обязательно
Домашние животные
вот только “мышь” на коврике,
голодная, от хакера
вынюхивая кнопкой
Другое – поколение,
чей голос равнодушием
ведь мама – нечто большее,

* * *
как инопланетяне,

Не поднимая глаз,
а то в компьютер режутся,
в свой виртуальный мир.
летят, пока не врежутся,
им встретится вампир,
точнее с недалёкими,
им все желают зла,
остаются одинокими,
их ребёнка унесла.
кочуя насекомыми,
галактике дыру,
до ужаса знакомые,
свой адрес: “ ...точка RU”.
отныне стала “мамою”.
“собака” принесёт.
самое-пресамое?
“комп” ему поёт?
нет, не воспоминаньями!
содержит жизни суть.
могли б остаться тайными,
ещё кому-нибудь.
практически отсутствуют,
надувшись на крупу,
она лишь ждёт напутствия,
знакомую тропу.
лакающее “Клинское”,
обыденным пропах,

за жизнь ребёнка отданная
Да брось!
Забудь о них сейчас,
Зажмурься! Вспомни молодость,
Скажи: “Наступит день, когда
изменится,

чем плата материнская,
в муках и мечтах.
хотя бы на мгновение.
не открывая глаз!
другое поколение
и станут те похожими на нас!”

* * *

Снег растаял. Март подкрался.
Солнце целится в прохожих.
Слякоть чмокает в подошвы.
Сердце, словно метроном.

Бабки выползли погреться,
Как рептилии, на солнце
И гремучими хвостами
Друг на друга потрясти.

А учительница в школе
Знай под нос себе бормочет.
Двоечник ворон считает,
Тупо пялясь на окно.

Я иду по переулку
Мимо тающих сосулек,
Слыша как капель титрует
Миллилитрами весну.

Мне достаточно эмоций,
Чтоб весенними глазами
Посмотреть на жизнь и время
И оттаять навсегда.

Я всего лишь точка света,

Квинтэссенция надежды.
Я всего лишь капля счастья
В океане бытия!

* * *

Деревья руки простирают к Богу,
Чтоб их Господь благословил весной.
Казалось бы, и просят-то немного,
Чтоб на год Он продлил их путь земной.

Господь молчит, задумчиво внимая.
Господь для умных бережёт слова.
Одни, спилив, сожгут в начале мая,
А на других появится листва!

* * *

Люди ищут жизнь на Марсе.
Люди космос бороздят,
Чтобы разум там найти.
Чтоб найти и уничтожить.

Так как эти гуманоиды
Могут быть умнее нас.
Человек имеет право
В Конституции на жизнь.
Жизнь есть звёздная болезнь.

Убивать кого-то надо:
Не убьёшь, так сам погибнешь
Жертвой новых звёздных войн
От руки своих собратьев,
А не инопланетян.

Человек всю жизнь гордится,
Что один он во Вселенной.
Люди ищут жизнь на Марсе,
Люди космос бороздят!

* * *

Наша жизнь состоит из дверей.
Мы закрыты на ключ друг от друга.
В душу даже своих матерей
Мы впускаем не в дверь – во фрамугу.

Дверь за дверью проходят года.
Государство, где дверь на границе,
Город, комната – всё как всегда –
Веко, сердце – кто в сердце стучится?

С каждым днём перед нами быстрее
Открываются новые двери.
Наша жизнь состоит из дверей!
Но сын плотника в это не верит!

* * *

Наука начинается с греха,
С сомнения: “А есть ли Бог на свете?
А если нет, то все иконы эти,
Обряды и молитвы – чепуха?”
Лукавый тут ответил бы: “Ха-ха!
Конечно, есть! Мы за Него в ответе!
Иконы и молитвы – это сети,
Ведь Бог – рыбак, а мы – его уха!”

Апостолы Андрей, Иаков, Кифа
Ловили рыбу – их призвал Христос.
Отвечу вам вопросом на вопрос:
“А мог бы Бог возникнуть не из мифа?
И смог бы Прометей прожить без грифа?
И был бы человеческий опорос,
Когда б росток надежды не пророс
В душе у обречённого Сизифа?”

Бог есть! Бог – это знание о мире
И человеке. Бог в его судьбу
Вошёл навек с загадкой и табу
В словах! в земле! в воде! в огне! в эфире!

В пещере жил, теперь живёт в квартире.
Был домовым и пролезал в трубу,
Теперь с *морщинной* думою на лбу
Становится и выше он, и шире.

Чем больше знаем мы, тем он сильнее.
Наш разум – сын труда и отчим лени,
А вера – это почва для сомнений,
Что, как цветы, всегда цветут на ней.
Каким бы ни был умницей Линней,
Не систематизируешь растений,
Ведь даже ночь, проросшая из тени,
Из тени Бога, кажется темней.

Жизнь, как кровососущая блоха,
Как тлеющая годы сигарета.
Стремлением к познанию согретый,
Наш разум в жизни, как в земле соха.
Всё видимое в мире – шелуха!
Не всем дано понять рассудком это.
Наука начинается с греха:
С сомнения и поиска ответа!

* * *

Ночь гадает на кофейной гуще,
Ворожит по линиям реки.
А над тишиною вездесущей
Весело порхают мотыльки.

В небе звёзды зреют, словно зёрна,
И туман гипюровой фатой
Ластится и стелется покорно
Мутный, очень мутный – непростой.

Я пытаюсь уследить за ветром:
Параноик чем-то одержим.
В мире, видно, нету миллиметра,
Где бы он не делал виражи.

Не осилит путь назад идущий.
Не поспоришь с этой тишиной.
Врёшь, гадалка на кофейной гуще,
Месяц вряд ли встретится с луной!

* * *

Брожу, как тень, по городу ночному,
Распугивая кошек и собак.
Скиталец: вроде с домом и без дома –
Бреду сквозь ночь, зажав ключи в кулак.

Луна на небе молча корчит рожи.
Танцует тень. Шушукается ночь.
Я, будто заблудившийся прохожий,
Ищу того, кто мог бы мне помочь.

Но мир притих, и в окнах свет погашен.
Журчит река с растаявшей луной,
И облака крадутся мимо башен,
Влекомые ночью тишиной.

Скрипучий мост под башмаками стонет,
И утка клюв уткнула под крыло –
Ни ими, ни тобою я не понят,
И не хочу тебе звонить назло.

Мой телефон замолк в анабиозе,
Как висельник, повешен на ремне.
И изморось роняет тихо слёзы,
Как будто небо плачет обо мне.

Вокруг ни зги. А где-то брешет псина,
И дрозд поёт, но мне не до дрозда.
Передо мной зыбучая трясина,
А надо мной печальная звезда.

Комар, как стоматолог бурмашиной,
Сверлит в полёте воздух надо мной.
Я гордостью исполнен петушиной
И вместе с этим, робостью мышьиной,
И оглушен полночной тишиной.

Глазам щекотно. Мозг как неваляшка:
Одна и та же мысль то так, то сяк.
Иду домой с душою нараспашку,
С душой, в которой мечется сквозняк.

Пришла мечта и с приторной истомой
Глаза щекочет мне скупой слезой.
И этот дом, до дежа вю знакомый,
Напоминает мне Палеозой.

Тут тени монстров встали на колени,
Поют: "Суки амуңгу акиемба".
Смотрю, как в виде неказистой тени
Чернеет среди них моя судьба.

Пусть в жизни всё могло быть по-иному,
Я не жалею – весел как дервиш.
Брожу, как тень, по городу ночному
И жду, когда, когда ты позвонишь!

* * *

Повод надеяться греет мне душу,
Так как мечтами меня обольстив,
Повод давно превратился в мотив,
Как говорится: “...да богу бы в уши!”

Но не свершилось, и выдохся срок
Третьей, четвёртой и пятой надежде,
Будто бы повода не было прежде.
Прежде был повод, теперь – поводок!

На поводке за надеждой иду.
На поводке изменились повадки.
Раньше с надеждой всё было в порядке:
Шла у меня она на поводку.

Всё изменилось вокруг – почему же
Повод надеяться греет мне душу?!

* * *

Я – рябина. Я не дерево – кустарник!
Дочка солнца, что за лес под ночь садится.
Я сестра стыда, племянница румянца.
Я одной и той же крови, что закат.

Я живу в лесу среди дубов могучих,
Твердолобых тех, что ценят только свиньи.
Из-за них я здесь не дерево – кустарник
Бесхребетный, как без стержня, без ствола.

Ни родство, ни стыд отнюдь не аргументы!
Дружба с птицами не делает мне чести!
И рябиново-рубиновые слёзы
Остаётся сеять в землю каждый год!

Если б только птицы эти слёзы взяли,

Отнесли их в даль далёкую и дальше,
Может быть, тогда б согрелась я надеждой,
Что деревьями хоть дети могут стать!

* * *

О. Степанову

Проклятый пригород, проклятый –
Тут не причём колдовство.
В нём же ведь, жив ли ты, сдох ли ты –
Не колебёт никого.

Пригород с догмами спорными,
Как в чёрно-белом кино.
Люди тут белые с чёрными –
Белыми так решено.

Красных, зелёных, оранжевых
К чёрным относят. За цвет
Их погребают здесь заживо,
Не умерщвляя – нет-нет!

Их убеждают, что, чёрные,
Неразличимы они.
Мне говорят: “Непокорные?
Что с ними стало, взгляни!”

Я тут один. Что я сделаю?
Я – разноцветный урод!
Белым нужны только белые,
Чёрным – наоборот!

* * *

Захотелось пощупать стихи,
Чтобы в строчках запутался ноготь,
Чтоб с издёвочным смехом “хи-хи”
Подержать и другим дать потрогать.

Чтобы их отпустить и уйти
К новой нежности, к новой отваге,
Чтоб учуять, как дух во плоти,
Пёстрый мир в чёрно-белой бумаге.

Полноцветный, он встанет с одра,
Где судьба – ростовщица и сводня –
За него всё решила вчера,
Чтобы он возмутился сегодня.

Чтобы книга молчала в стихах
Слаще мёда и горше полыни,
Чтобы каждый вздохнул над ней: “Ах!” –
Взяв в читальне её у *кНИГини*.

В этом мире полно шелухи,
Все в нём млеют и блеют, послушай:
Кукарекают в такт петухи
И рифмуют в курятнике клуши.

Пусть силлабо-тонический стих
Управляет вселенной – однако,
В час, когда сонный город притих,
В нём верлибрами брешет собака.

Среди этой смешной чепухи
Я включаю стеклянную грушу:
Захотелось пощупать стихи,
Чтоб они ущипнули за душу!

*

*

*

Бог создал мир, чего в нём только нет:
От кварков и нейтрино до планет,
От ярких звёзд до самых чёрных дыр –
Из ничего Бог создал целый мир!

Он, как электрик или как поэт,
Включает день строкой: “Да будет свет!”
И каждый день начало бытия,
Не удивляясь, наблюдаю я.

И каждый божий день в течение дня
Бог освещает мир весь для меня,

Огромный мир – чего в нём только нет! –
А я Ему плачу за этот свет,

Отдав за свет последние штаны,
За свет торшера, солнца и луны,
За свет далёких звёзд, светящих мне –
По крайней мере, судя по цене!

Надеюсь, что когда-нибудь потом
Дешевле будет свет на свете том.
Тут я подумал, может быть и нет,
Я по счетам плачу за этот свет:

За лампочно-вольфрамовый накал,
За то, что шустрый счётчик намотал.
Тогда не понимаю ни черта,
Какие ж Богу шлёт Чубайс счета?!

* * *

Душное вонючее метро.
Всё грохочет, хохоча над риском.
Я сижу и думаю о низком,
Теребя усы, как Пуаро.

Не лицо, а контурная карта,
Пёстрая, как тест на дальтонизм.
Девушка со взглядом Бонапарта,
Не читавшая любовных писем.

Я в её глазах как невидимка,
Взор её возвышен и лучист.
Ей лицо под Хохлому и Дымку
Расписал манерный визажист.

На ушах повисли хула-хупы.
Думает о ком-нибудь крутом
И глядит самозабвенно тупо
И многозначительно притом.

Я, наверно, ей кажусь огрызком –
Мне обидно, чёрт возьми, до слёз!
Я сижу и думаю о низком
Под высокий стройный стук колёс.

* * *

Откуда дует ветер,
И что такое сплин?
Как много нас на свете,
Да только я – один.

Один среди созвездий,
Один среди людей.
Один, а вроде вместе!..
Хоть ты мной овладей,

Неведомая сила,
Летящая на грусть.
Всё то, что прежде было,
Пусть канет в Лету – пусть!

Каштан-гекатонхейра,
Банкнотами маня,
Сложил листочки веером
И машет на меня.

Зелёные банкноты,
Лукавый Бенджамин.
Спасибо, неохота.
Зачем мне, я – один!

* * *

Всем доволен. Может быть, впервые
Ничего у жизни не прошу.
Наплевать на деньги дармовые
И на бусидо, и на фэн-шуй.

Кем-то установленный порядок
Не вмещает самости моей,
Но запретный плод смертельно сладок:
Шаг за шагом дальше и страшней.

Я касаюсь не рукой, а дланью
Уст, чела, десницы и ланит.
Боже, эти тайные желанья
Никогда мне совесть не простит.

Вспоминаешь? А во мне икает
Сердце, солидарно с госпожой.
Как прекрасно то, что ты такая!
Как ужасно то, что ты такая
Навсегда останешься чужой!

Не коснусь тебя своею дланью.
Мужики – козлы? Не обобщай!
Я тебе промолвил: “До свиданья”.
Жаль, что ты ответила: “Прощай”.

Мы с тобою люди деловые...
Упиваясь эхом красоты,
Всем доволен. Может быть, впервые!
Но хотел бы знать, довольна ль ты?

* * *

Любовь прошла, и листья облетели,
Растаял снег, и отцвели цветы.
Любовь прошла, прошла на самом деле.
Я понял то, что счастлив был, а ты?

Любовь прошла при встрече – не в разлуке.
Твой взгляд мне сделал мёртвую петлю.
Для нелюбимых нету большей муки,

Чем постоянно слышать “не люблю!”

Любовь прошла как будто бы, но вроде
Ни радости, ни грусти на лице.
Любовь... она, наверно, переходит
От одного к другому и etc.

* * *

Ласковой мечты прикосновежье
Ум щекочет пёрышками грёз.
Письма в печке лучше, чем поленья
Для того, кто разлюбил всерьёз.

Память не трещит, стыдливо тлея,
Съёживаясь в чёрные мозги.
Я о прошлом больше не жалею
И не ною: “Боже, помоги!”

Я забуду старую обиду,
Раз прощу и распрощаюсь с ней.
А при встрече не подам и вида,
Улыбнувшись хитрости своей.

* * *

Рукой ласкаю курточнй карман
В надежде отыскать шуршаньем счастье.
Сквозь молнию с оскалившейся пастью
Ладонью любопытной влез в капкан.

Игра в надежду не имеет правил,

В ней, чем абсурднее, тем веселей.
Нашёл в своём кармане сто рублей,
А радости? Как будто банк ограбил!

* * *

По блату рожают, по блату хоронят,
По блату присваивают ордена.
Кого-то возвысят, кого-то уронят,
Кому – всё на свете, кому – ни хрена.

По блату живут бесталанные люди.
Я им удивляюсь, шутя и дразня.
Когда-то по блату и блата не будет,
Но раньше, наверно, не будет меня.

* * *

Целый день одно и то же:
Солнце целится в прохожих,
Дождь играет в дартс, похоже
Превратил крыльцо в тамтам.

И ступени в исступлень
Выступают искупленьем.
Приступ лени – преступлень,
Ветер ходит по пятам.

Небо пасмурно и серо.
Верю всем, не зная меры.
Солнце – бледная химера –
Дышит в спину облакам.

Солнце светит всем на свете
И за это не в ответе.
Я, как солнце дождь и ветер,
Неразборчив и упрям.

* * *

Человек без родословной –
Одноклеточное чудо.
Он, как водяной, бескровный,
Он, как пыль, из ниоткуда.

Без отечества, без веры,
Без ермолки на макушке,
Он, как фораминифера,
Оккупировал ракушку.

Он её считает домом,
Он в ней, как металл в полуде,
И его зовут знакомым
Одноклеточные люди.

Он педант, похож на сноба,
Для него пустяк – проблема.
Он нескладнее амёбы
И опасней трепонемы.

Сам придумывал законы –
Их обходит постоянно.
Так клин клином вышиб клона,
Чтобы стать главою клана!

Клён клянётся кланом клона,
Пятернёй сжав рот безмолвный,
Что не верит в миллионы
Человек без родословной!

Клён – он дерево с корнями,
Он-то знает что откуда,
Потешается над нами –
Вот так истинное чудо.
Я таким, как клён, не буду!

* * *

Разложу пасьянс “Косынку”:
Красных к чёрным, к масти масть –
Скоротаю по-старинке
Вечер, наигравшись влать.

Чёрный-красный, чёрный-красный –
Так проходит жизнь моя,
И по-моему ужасно
То, что в ней король не я.

Карты ждут, из-под рубашек
Смотрят исподволь наверх.
Пробирает до мурашек
Чувств и мыслей фейерверк.

Здесь король сильнее дамы –
Все как в жизни, ведь нельзя
Жить как в шахматах упрямых,
Где король слабей ферзя.

Дамы могут крыть валетов,
И валетов тянет к ним.
Глупость, слабость в страсти этой,
Слеп валет, когда любим.

Жизнь имеет привкус горький
И солёный, как слеза.
Бестолковая шестёрка
Бьёт великого туза.

Туз один, застрял в границах
Он от двойки до нуля.
У кого он очутится,

Тот сильнее короля.

Чёрный-красный, красный-чёрный –
Козыри меняют масть.
Туз, он как мудрец придворный,
Над любым имеет власть.

На невзрачную картинку
Опускаются глаза.
Разложу пасьянс “Косынку” –
Биографию туза.

*

*

*

Шепчутся деревья-исполины
Накануне Страшного Суда
О дороге бесконечно длинной
В лабиринт, ведущий в никуда.

Жаль той жизни, что при лунном свете
Напускает крепкий сон на нас,
Где, как муэдзин на минарете,
Птица созывает на намаз.

Не бледнеет, не краснеет ёлка –
У неё с потусторонним связь.
Нахлобучив красную ермолку,
Дятел страстно бьёт челом, молясь.

Я не верю в трескотню сорочью
И не жгу церковную свечу.
Суд грядёт: часы бьют днём и ночью.
Я в благоговении молчу.

Не молось, а сам себе внимаю,
Растворяясь в этой тишине.
В этот час моя стезя прямая
Бесконечной чувствуется мне.

Кажется, что скоро, очень скоро
Я в последний раз судьбы вдохну,
Прочитаю заповедь из торы
И покину эту тишину.

Выменяю душу на страницы,

Вечность – на офсетную печать.
Буду вам в ночных кошмарах сниться,
Чтобы не пугать, а защищать.

Страшно умирать, но жить страшнее:
Юная душа уже седа.
И магнитит смерть рукой над нею
В ожиданье Страшного Суда.

Вывернула душу наизнанку
Истина, стуча за иктом икт,
Как судья стучит своей киянкой
В сердце, вынося мне свой вердикт.

Долго ль жить останется – не знаю,
Время утекает в никуда.
Жаль мне, если жизнь моя земная
Лишь вещдок для Страшного Суда.

Сам себе я буду адвокатом.
Все: и Лао-цзы и Чан Кайши –
Пусть во мне осудят каждый атом
Хаотично пляшущей души!

* * *

Ультрафиолетовое хамство –
Не понять его, не ощутить
Свойственные хамству постоянство
И способность козырную – крыть.

В час, когда терпение зашкалит,
Совесь, выйдя за диапазон,
Смелость – в наглость,
наглость – в хамство сплавит,
Проведя черту сквозь горизонт.

Хамство – дар, доступный только некоторым,
Глуп и чужд огрехам и грехам,
И, сияя полноцветным спектром,
Многолик обыкновенный хам.

Ханство хамства не падёт вовеки,
Ханов-хамов целая орда.
Хамы, эти недочеловеки,
Не исчезнут в мире никогда!

* * *

Я учитель. Во мне это с корнем.
Я учу познавать этот мир,
Мир, в котором всё шатко и спорно,
Где не пастырь царит, а факир.

Мир, где пишет историю каждый,
Подобрав лейтмотив по душе,
Начиная с “Жил-был...” и “Однажды...”
И кончая “...и умер уже.”

Наши жизни банально похожи,
В них ведь всё есть: и плач есть, и смех,
И любовь есть, и ненависть тоже,
И одно только счастье на всех.

Да и то, будто приз в лотереи,
Не разыгран и не разделён,
Хоть мы с каждым мгновеньем стареем,
Никогда не состарится он.

В этом жизнь, в этом вся её хитрость:
Приз всегда достаётся врагу.
Жаль, что выиграть его или выкрасть
Научить никого не смогу.

* * *

ВЫПлёвывает жизнь детей во взрослый мир!
У Скольких человек появится свобода!
НИКто не знает, что случится через годы,
А Много ль ярких звёзд на фоне чёрных дыр?
Однако эта жизнь, дырявая, как сыр!
И Некогда искать в ней выходы и входы!
НАД ЦАрством чёрных дыр неведомой природы
ТЫчинки ярких звёзд, в них яд и эликсир!
Хочу поднять бокал за всё, что не случится!
КЛянусь: мои глаза запомнят ваши лица!
А Сколько чёрных дыр на фоне ярких звёзд?
Согласен я и с тем, что сам не ас из асов.
Отпетый мной сонет, он прозвучал как тост
ВЫПУСКНИКАМ ОДИННАДЦАТЫХ КЛАССОВ!

* * *

Мучаюсь в домыслах, где же вы, где же вы,
Грёзы, плывущие в облаке бежевом?
Сердце болит? Так возьми и отрежь его!
Дни моей юности, где же вы? Где же вы?

Лучшую жизнь не придумал никто ещё.
Жизнь из борьбы превратилась в побоище.
Мой идеал, настоящий и стоящий,
Не воплотил в этой жизни никто ещё.

Жизнь *пустоцветит*. Ах, боже мой, как же так?
Все идеалы наивностью нажиты.
Вера! А вера в прекрасное, наша-то?
Разве что только иллюзия? Как же так?!

Господи! Господи! Где же Ты? Что же Ты?
Так игнорируешь плач мой, а может, и
В жизни придуманной, в жизни непрожитой
И без меня хорошо Тебе, что же Ты?!

* * *

Ночь пришла с предсказаньем оракула
В тусклом свете фальшивого солнца,
Залетел через форточку Дракула
На свидание с грустной бессонницей.

Дрожь с ознобом от пяток и до чела,
Мысль дурная за доброй гонится.
Я не спал, и меня ворочала
Нянька – нянькой моя бессонница.

Думал, пусть серенаду поёт ей граф,
Но ко мне-то он не притронется.
Оказалось, что я как всегда не прав,
Собирает нектар бессоннице.

И нектаром кровавым поит её,
Говорю на полном серьёзе я,
А она заедает его питьё
Из моей же печали – амброзией.

Я бездарную песню прослушал его
И хотел им сказать: “Ну, вы ж не...”
Но отправился в душ, ведь, скорее всего,
Среди них и я третий лишний.

* * *

Осень подводит итоги,
Плача, как бомж, на пороге
Перед жестокой зимой –
Хочет вернуться домой.

Тысячеруким кумиром
Стала убогим и сирым,
Листья, как деньги, держа.
Что-то хандрит госпожа!

Манит и жёлтым и алым
С разным, большим, номиналом,
Но не нужна никому
Сумма ценою в суму.

В жизни, как будто в футболе,
Чтоб удалить лето с поля,
Листья, зажмурив глаза,
Лету судья показал.

В сари цветастом – не в тоге –
Осень подводит итоги,
Плачет, ропща на судьбу
С красненьким солнцем на лбу.

* * *

Да, я царь. И я всю жизнь в опале:
Самозванцы травят и гнобят.
Все теперь психологами стали
С аурой от маковки до пят.

Как, прожив сто лет, сберечь здоровье?
Не терзать себя по пустякам.
Вон поэт: рифмует кровь с любовью,
И уже причислен к знатокам.

Пушкин написал сонет “Поэту”,
И поэт считает, что ему.
Господи, ну, как смотреть на это?
Сколько? Для чего? И почему?

Я – то слово, что ещё вначале
Всё ушло в ботву – в пустую речь.
Да, я царь! И я всю жизнь в опале!
Я принёс с собой не мир, но меч!

* * *

Поэт умирает – ему не до жмурок:
И у одиночества тоже есть пик.
И вот после смерти какой-то придурок
Твердит, что поэт был его ученик.

Он был ему другом, причём закадычным.
С ним вместе на танцы, на подвиг, на труд;
Делился общественным, частным и личным
И верил, что в старости вместе умрут.

Поэт говорил то, что жил одиноким:
Стихи – это слово, лишённое лжи.
Попробуй сейчас всем друзьям его – многим! –
Напомни об этом, открыто скажи!

Скажи то, что жизнь замыкается кругом...
Понятно, что другом ему был поэт.
А был ли поэту придурок тот другом?!
Известно доподлинно: нет, нет и нет!

Откуда он вылез? Откуда он вырос?
Откуда он выполз? И кто он такой?
Ведь друг настоящий, он волком бы выгрыз,
Слова одиночества вырвал рукой!

Поэт с одиночеством жил, как с недугом,
А этот болтун держит нас за лохов!
А может, Иуда и прав! Он был другом:
Покойный стал автором этих стихов.

* * *

Кто такие русские? Скорее,
Это православные евреи,
Что не помнят своего родства.
Это не в порядке хвастовства!

Это не рабы, а крепостные,
Кто живёт, надеясь на авось.
Тут поэты, лирикой больные,
Те, что видят истину насквозь.

Тут страдают все от ностальгии,
Сиротой на родине живя.
Всё это евреи, но другие –
Русские – такие же, как я!

* * *

Последним словом будет междометие,
Решай, какое: Ах! Ох! Или Эх!
Естественная форма жизни – смех,
Дорога вдаль длиною в долголетие.

Ни перед кем за смех свой не в ответе я.
Агностицизм – наука не для всех.
Зачем ищу я в истине огрех?
Наверно, существует нечто третье.

А может быть, и нету ничего!
Чудачеством считают волшебство.
Единственная жизнь – плыть по течению.

Нельзя с ладонной линии свернуть,
И, выполнив своё предназначение,
Едва ли можно будет выбрать путь!

* * *

Эпигоны знают сами,
Но поддакивают мне.
Не везёт с учениками,
Им – с учителем вдвойне.

Из-за этих эпигонов
Столько горестных утрат.
Если б не было Платона,
Знали б мы, что был Сократ?!

Святотатствовать не буду,
Но я понял неспроста:
Если б не было Иуды,
Может, не было б Христа!

* * *

Сегодня смотрел телевизор,
Какое-то было ток-шоу.
Потрёпанная проститутка
Светила своим декольте.

Она была очень похожа
На переходящее знамя,
На деньги и на эстафету –
На всё это, но не на приз.

Она удивительно смело
Твердила про дело благое,
Про этот сомнительный подвиг:
Себя раздавать по чуть-чуть.

Я слушал и думал: Бедняжка!
Она спекулирует страстью.
Она никогда не узнает
О том, что такое любовь.

Она себе нравится. Очень.
Но жизнь её, будто конвейер,
Пройдёт в повседневной рутине,
И смерть остановит его.

А может, заглохнет он раньше.
Растащат всю *по поцелуям*,
И прелести прежней остатки
Оставят в покое стареть.

Седая, кривая, в морщинах,
С отвисшей до пояса грудью
Придёт она к райским воротам
И скажет Петру: “Отворяй!”

А он ей ответит: “А помнишь,
Тебя не забили камнями,
Когда заступился Учитель:
“Ступай и уже не греши!”
Напрасно Ему ты не вняла,
А он ведь от чистого сердца
Простил тебе всё, даже то, что
И муж никогда не простит.

Не мне осуждать, но тебя же
С такою обвисшею грудью
Трудней, чем верблюда с горбами,
В игольное втиснуть ушко!”

* * *

Женитьбу я всегда считал проблемой.
Год за три – и попробуй уследи!
Я понимаю, что стареем все мы...
Принцесса в бальном платье с диадемой,
Расшевелив мне что-то там, внутри,
За миг из счастья сделалась проблемой
В засаленном халате с бигуди.

* * *

“Бог” и “богатство” – слова с одним корнем –
Это так странно – как “бедность” с “бедой”.
Жизнь заставляет быть робким, покорным
И соглашаться с любой ерундой.

Есть или нет правды – я не уверен.
Высохну как абрикос в курагу.
Я одной мыслью год уж беремен,
И разродиться никак не могу.

Что абрикос? Это жёлтая слива.
Ей, как и мне, суждено быть едой...
Горькие корни живучи на диво:
Бог и богатство и бедность с бедой!

* * *

Жизнь бьёт меня: чем дальше, тем сильнее –
По морде, ниже пояса, под дых.
И я не знаю, что мне делать с нею,
За что она не любит молодых?

За их наивность и за веру в чудо –
Уверенность в своей неправоте?
За Не хочу, Не знаю и Не буду,
За жажду видеть что-то в пустоте?

О том, как жить, не думал я ни разу.
И до сих пор мной опыт не добыт.
Я – молодой! Хочу всего и сразу!
И пусть меня за это жизнь простит!

* * *

Поздним вечером смотрю в окно:
Небо – в чёрных фишках домино,
А сверчок *занудистый* за шкафом
О тоске стрекочет телеграфом,
И луны замызганный плафон
Тускло освещает телефон.
Он молчит. Я жду звонка, я жажду,
Только счастье не приходит дважды.

* * *

К зиме на небе вишня отцвела
И лепестками землю засыпает,
И город не заснул, но засыпает,
Луна следит за мной из-за угла.

Ночь смотрит в окна, будто в зеркала,
И ничего не видит – как слепая!
Я мысль одну устало колупаю
О том, что мне вселенная мала.

Не ясно, где фантазия, где быль,
Но мысль меня успела растревожить:
Ты запрягла железного коня...

Пыхтит-бухтит-кряхтит автомобиль
И бле-э-э-ет, как коза, и ржёт-о-о-от, как лошадь.
Ты уезжаешь в вечность от меня,
Спеша, чтоб снег твой след мог припорошить.

* * *

Я иду долиной смертной тени
По стране рассеявшихся грёз.
Я попал в обычное сплетение
Между понарошку и всерьёз.

Я попался в хитрую ловушку,
Я, как рыба, клюнул на живца,
Я слезами пропитал подушку,
Видя, что надежде нет конца.

Я бродил по храмам и острогам,

Строил жизни денотантный граф.
Я оказывался прав во многом,
Но намного чаще был не прав.

Голова стонет от мигрени,
Сердце стонет, а душа поёт.
Я иду долиной смертной тени
В город, где вся жизнь наоборот.

* * *

Тебя понять, мой друг, не мудрено:
Ты хочешь одного, а я другого.
Ты думаешь, что образ – это слово.
Ты думаешь, поэту всё равно?

Менять слова, рифмуя их, не просто.
Менять себя трудней и смысла нет.
Легко писать о кораблях и звёздах,
Когда нажрёшься приторных конфет!

Что делать мне? Меня судьба торопит.
Я съел ежа и выпил залпом ртуть,
А эти слюни в сахарном сиропе
Не для меня! ...Поймёшь когда-нибудь.

Ты для себя весь мир откроешь снова,
Прочтёшь стихи, поймёшь, чем жил поэт,
И скажешь мне: “Вначале было слово!..”
А я отвечу: “Нет!”

* * *

Гости ходят косяками
Друг за другом каждый день.
Кто живёт со стариками,
Кто читает Мураками,
Кто разносит дребедень.

Всё печальней и печальней
С каждым днём моя юдоль.
Стал мой дом исповедальней.

Образ жизни уникальный –
Перекатная де Голь.

И при свете тусклой лампы
Каждый день держу в руках
Графоманский альманах,
Где сплошные *мандельштамы.*

Мне прочесть его не лень,
Только развожу руками:
Гости ходят косяками
Друг за другом каждый день!

* * *

Я люблю до умопомрачения,
До сердечной боли, до истерики.
Невиновен, но прошу прощения
И молюсь луне в полночном скверике.

Не импровизирую со спальнями,
Не якшаюсь с цыпочками-стервами.
Оттого стихами гениальными
Стали мысли те, что были нервами.

Не нужны мне сотнями красавицы:
Я не людоед – они не кушанья.
Мне нужна одна, но та, что нравится,
Та, кому, скорей всего, не нужен я!

* * *

За окном открываются чудные виды!
Голубая метель кружит вальс в тишине,
А в квартире играет Георгий Свиридов,
И вальсирует что-то живое во мне!

Что есть музыка – гимн одинокого бога,
Что вошел в мою жизнь сквозь закрытую дверь?

А в квартире звучит Эуджениу Дога,
Будто льнёт ко мне нежный и ласковый зверь.

Я не беден: в мечтах я катаюсь в Роллс-ройсе
По кленовой мозаике под листопад,
И осенние грёзы под музыку Джойса
Мне навстречу, как спелые листья, летят!

Я об этом не раз написать порывался,
И душа развернула меха, как баян.
Голова у планеты кружится от вальса –
Лишь в мелодии вальса не слышен обман!

* * *

Твоя ладонь упёрлась мне в грудную клетку!
Я был отвергнут так вот жёстко в первый раз!
Я побледнел. Я стал белёсым, как таблетка,
И струйка горя тут же хлынула из глаз.

Перед тобой стоял, как будто голодранец.
Вскипело всё внутри, в глазах блеснуло: “Что ж!”
Багрово-пурпурно-алеющий румянец
Во мне сомнение заставил вспыхнуть: “Врёшь!”

Однако ж нет! нельзя. Интимное пространство.
К тебе я впредь не протяну своей руки.
И в нелюбви есть, видно, тоже постоянство:
Не любят, видимо, не за, а вопреки!

Твоя ладонь упёрлась мне в грудную клетку,
Смотрю тебе в глаза. Ого! Ага!! Угу!!!
Я ошибаюсь в людях очень-очень редко,
А вот в тебе не ошибаться не могу!

* * *

Иногда мне бывает так больно и грустно
От того, что не знаю, зачем я живу.
Никаких обязательств: то молча, то устно
Я житейскую мудрость мотаю на ус
Но надежды хватает, чтоб быть на плаву.

Эта жизнь так чудна, ни на что не похожа.
Я не знаю порой, как смотреть мне в глаза,
Но не тем, нет, кто старше меня, кто моложе,
А тому, кто из зеркала в тёмной прихожей
Смотрит ровно, безжизненно, будто гюрза.

И, наверное, лучше быть в жизни не может:
В рукаве моём нет козырного туза!
В рукаве моём нет озорного туза!
Я стою перед зеркалом, думая: Боже!
Если первой надежда подохла, так что же,
Неужели тогда я последую за-а-ы'!

* * *

Весь день слежу за солнцем, как подсолнух!
Багрово-терракотовый рассвет.
На две луны, бесцветных и неполных, –
На небе и в реке – глядит поэт.

Как будто вдохновение припёрлось,
Он замер, он достал свою тетрадь.
В доверие, как жулик, утро втёрлось
И выгеснило звёзд лихую рать.

Наступит вскоре вечер, как отгадка.
Я поплетусь с поэтом наугад.
Он остановится, чтоб записать в тетрадку
Карминово-малиновый закат.

Мы разойдёмся. Он проснётся ночью
В бессоннице стихи перебирать
И разорвёт свою тетрадку в клочья,
Чтоб утром взять ещё одну тетрадь!

Жизнь – это солнце, а поэт – подсолнух:
Куда оно, туда и он. Едва?!
Поэтом быть невыносимо больно!
И не от солнца ль кругом голова?!

* * *

На свете ради нескольких мгновений
Душа, стелая, терпит чёрный гнёт,
Чтоб из таланта распустился гений:

Он, как алоэ, раз в сто лет цветёт.

Не генотип, не результат мистерий –
Бессильно здесь любое волшебство.
Мартыновы, Дантесы и Сальери,
Иуды, Бруты создают его.

Лекарство – тот же яд, но меньшей дозы,
И до смерти залеченный чудак
Подмешивает в краски мира – слёзы
И говорит: “Аминь! Да будет так!”

Все ищут в совокупности знамений
Довольно необычную судьбу,
А знак один: когда признали: “Гений!”
Он, молодой, уже лежал в гробу.

Шептались все: “Он был ещё вначале...
А кем мог стать...он прожил жизнь за треть...”
Вот парадокс: чтоб гения признали,
Он должен непременно умереть.

Нам гений тот, чья голова на блюде,
Тот, кто шумел над теми, кто притих.
Среди тихонь чувствительные люди,
Что чуют гениальное в живых.

* * *

Какая красивая девушка!
Смотрел бы вот так и смотрел!
И выразить чувства-то не во что:
Язык не отсох – отсырел!

Секундное сердцестояние,
И целую ночь не до сна.
Ах, если бы знал я заранее,
Каким может быть сатана?!

* * *

Песочные часы просеивают время,

Свободу для секунд фильтруя из песка.
Мой цокающий конь плетётся, будто дремлет –
Индифферентен он к заслугам седока.

Гнездо кукушки есть (!), где та стяжает годы,
Угрюмые ку-ку сверяя по часам.
Мгновения судьбы совсем иной природы,
И в этом я не мог не убедиться сам!

Мой необъезжен конь. Я ставлю ногу в стремя.
Гарцую. Рысь. Галоп. И в стойло на овёс.
По-разному идёт одно и то же время!
Когда-то и часы я принимал всерьёз.

* * *

Свет в меня солнышком тычет,
Я же грущу о своём.
Клин журавлиный курлычет,
В небо метнув острием.

Грустно и холодно снова.
Вновь замыкается круг.
Осень – последнее слово
Птиц, осуждённых на юг.

* * *

Среди необоснованных бессонниц
Мелькают тени, я по их следам.
В моём кармане съёжился червонец,
Зажмурился, боится, что отдам.

Моей дороге ни конца, ни края,
И только тьма вдали слепит глаза.
И мне, хоть я в Очко и не играю, –
Мне! – липа сдаст пикового туза!

* * *

Я закутавшийся в мысли
Встал под алой пеленой,
Где заря на коромысле
Держит солнышко с луной.

Посмотрел наверх со вздохом,
Вытер веки, как в намаз.
Ветер прыгал скomorохом,
За грудки деревья тряс.

Ветер, степью окрылённый,
Танец “Дочка, не балуй!”
Пляшет, лист срывая с клёна,
Как воздушный поцелуй!

* * *

Я долго ехал мимо свалки,
В ней воплощён менталитет.
Бомжи сидят, как на рыбалке,
Слагая Герцену ответ.

Они меня не замечают.
У них сегодня Страшный Суд.
Бомжи – родня сорок и чаек –
Кладоискателями тут.

* * *

Житейский опыт копят втихомолку,
Он сединой сверкает в зеркалах.
Кудрявых выбирают на прополку
Христос и Яхве, Вишну и Аллах.

Всю жизнь за чем-то гонимся – без толку!
Грустит старик задумчивый впотьмах,
Сверкая белой кожаной ермолкой –
Она ему дороже всех папах!

* * *

Поэзия больше, чем слово:
В ней смысл бес-соз-на-тель-но-го!
Подумаешь, что тут такого:
Рифмуется снова и снова –
Поэзия вся не нова!

Поэты, в полоску и в клетку,
Живут чтоб будить петухов,
А мне тут всучила соседка
Квадратную чёрную метку –
Дискету с подборкой стихов!

* * *

Учусь у деревьев терпению
Стоять день и ночь на посту,
Промаяться жизнь, как растение,
В тягучем смолистом поту.

Безмолвно смотреть, как всё движется,
И жить от весны до весны.
И пальцами-ветками-ижицей
Прицелится в очи (!) луны.

* * *

Два брата – две ягодки с ветки одной!
Один обзавёлся а гойкой женой,
Слагает персты в колокольный набат.

Другой достал тору из книжной пыли.
Шли вместе, едины путём, а пришли
Один на субботник, другой на шабат.

* * *

Фильм. Любовь. И вот он – голый зад!
Ярче, чем прожекторы-софиты
Ослепил стыдливые глаза
Так, чтоб чертыхались неофиты!

Мнение киношных простофиль
Об искусствоведческой проблеме:
“Фильм без голой задницы – не фильм,
а, скорей всего, программа “Время”!”

* * *

Как много всякой нечисти вокруг,
И я бы даже уточнил: не-че-сти!
На части чувства делит старый друг,
С которым мы росли всё детство вместе.

Он царь горы, он вылез из дерьма,
А я аскет, задумавшийся в яме:
Кому Бог с детства не додал ума,
Тому Он компенсировал деньгами!

* * *

Стая кружится над городом –
Видно, всё ещё надеется.
Я поглаживаю бороду
Возле дерева-индейца.

На тропу войны готовится.
Ветер снимет скальп, не думая.
И исполнится пословица.
И завьюжит город в мумию.

* * *

Безлунна ночь – видать, погасло солнце,
И некому теперь светить в меня.
И всё, что есть у *идолопоклонца*,
Сварог – владыка солнца и огня.

И тот замялся у Армагеддона,
Готовится к проигранной борьбе.
Ты смотришь на него, как на икону.
Ты равнодушна к собственной судьбе.

И только скрежет слышится во мраке,
Как будто я упёрся в край земли,
Где Прометей, задув последний факел,
Отправился обратно на Олимп.

Нет ни воды, ни воздуха, ни света,
Ни смысла в схоластической мольбе.
Есть только я и ты! и вот за это
Я свой последний вдох отдам тебе!

* * *

Первый снег провёл разведку боем,
Лёг и смотрит, рано или нет?
Смотрит на прохожих, мол, слабо им,
Наступив, оставить грязный след.

Бледнолицый, думаешь слабо им?
На тебе оставить грязный след –
Как индейца застрелить ковбоям!
Нынче ничего святого нет!

Первый снег провёл разведку боем.
Лёг и смотрит, жив он или нет?

* * *

Зависть – нет страшной недуга!
Все клеветают друг на друга:
Слово крепче, чем кулак.
Представляю дельту смутно,
Потому что очень трудно
Быть хорошим просто так!

* * *

Нос – не просто орган нюха –
Знак отличия нередко.
Подошла ко мне соседка –
...дцатилетняя старуха.
“Понаехали, – сказала, –
Ходить всякие тут, бродячие...”
В мозг её вселилась отеть,
Мысли в узел завязала.
Нынче все так! Наши души
Не выдерживают планки.
Всё как в сказке у Бианки...
Почему и чей нос лучше?!

* * *

Какой аромат был у липы на лапах?!
Ах, как лепетал-лопотал соловей?!
С тех пор фанатично люблю этот запах,
Которого явственней нет и живей.

Люблю, когда девушки пахнут Черрутти –
Волшебным дыханьем французской земли.
От их аромата в изменчивой сути
Мир странный, как мир на картинах Дали.

Я ехал в маршрутке, разэтакий мачо,
Сел с бабкой Ягой и одной из внучат.
Любимые женщины пахнут иначе,
Иначе глядят и иначе молчат.

* * *

Плетусь за облаком в надежде выйти к раю:
Туда, где небеса срастаются с землёй,
Туда, где Бог, беспечным мальчиком играя,
В последний раз пощутит грустно надо мной.

Судьба асфальтом, а не облаком ведома,
И путь не долог, если только напрямик.
Но всякий раз я замираю возле дома,
Осознавая, что опять пришёл в тупик.

* * *

Огонь выкуривает джинна из листвы
Пожухлой, старомодной, прошлогодней.
Наверное, экологи правы,
Беречь природу мы должны сегодня,

Пока источник жизни не потух,
Пока весь мир – в одной марионетке.
Но, чёрт возьми, как догадались предки
О том, что есть во всём живом свой дух?!

* * *

Мир переполнен духами-духами,
Он делит их на аромат и вонь.
Они царят над прозой и стихами,
Им всё равно, что в воду, что в огонь.

Сопливым мир огромный – весь! – распахнут.
Любой из них для духа слеп и нем.
А деньги, слава, власть – они не пахнут,
Поэтому и управляют всем!

* * *
Да, кавказцы эмоциональней!
Ты им жест. Обычный жест рукой.
А они в ответ тебе двумя
Тот же жест, чтоб было попонятней.
Не поспорить и не согласиться –
Как тут быть, ума не приложу?

* * *
Какое выражение лица!
Глупее, чем... ой, даже нет глупее.
На безымянном пальце нет кольца –
Помрёт и выйти замуж не успеет.

А взгляд: принцесса страстно принца ждёт,
На белой тачке с клёвыми стихами.
Наверное, найдётся идиот,
Чтоб предложить конечность с потрохами!

* * *

Крыса-радость сбежала бы с тонущей в грусти души,
Если б я на коленях не гладил чеширскую кошку,
Если б я не вкушал от надежды столовою ложкой,
Той, что на непростые я выменял карандаши.

Этот мир многотрудный и сложный я сделал простым.
Он из полутонов, из оттенков графитного цвета.
Но читатели любят за честную глупость поэта,
И за то, что, открытый, он вряд ли откроется им.

Я грущу, потому что уже не могу удивляться
Ни простейшей амёбе, ни запуску в космос ракет,
Ни тому, что меня эта жизнь приняла за паяца –
Зная, смерть копит годы мои на контрольный пакет.

* * *

Что же за время? Быть умным не модно.
Лучше быть глупым, но как поглупеть?
Птица поёт и не может не петь.
Птица поёт, потому что свободна.

Знания – ключик к свободе идей,
К выбору, к совести, к явному Богу.
Время пришло мне свернуть на дорогу
Умных, свободных, несчастных людей.

* * *
Странное имя у девушки этой!
Брат её шуруется – тот ещё гусь!
Женя! И странного вроде тут нету!
А если ласково? Сколько на свете
Женечек или Женюсь –
Не-же-нюсь!!!

* * *
Сегодня в небе нету облаков.
Мороз: они не вышли на работу.
И в ясном небе мне – да, вот я таков! –
Как будто бы не достаёт чего-то.

Искусственной кажется она –
Вот эта ясность: в небе чисто-чисто.
Я наблюдаю молча из окна
За небом: небо стало нигилистом!

А я грущу, в ладонь легла щека.

Мой поезд мчится мимо мира, мимо,
И ветер нарезает облака
Из заводского пасмурного дыма.

* * *

Нашу глупость – не иначе –
Гордо подняли на флаг.
Нет грустнее передачи,
Чем известный всем «Аншлаг»!

Зенки вылупив, хохочут,
Ржут над глупостью любой
И понять никак «не хочут»,
Что смеются над собой.

Сколько времени и денег!
Он растёт как пеницилл!
Каждый третий – шизофреник,
Каждый пятый – имбецил.

Чёрт-те что, а не эстрада!
Им смешно, ядрёна мать!
Над собой нам плакать надо,
А никак не хохотать!

Целый день они маячат,
Я же закусил кулак:
Нет глупее передачи,
Чем известный всем «Аншлаг»!

Что нам их американец,
Что с того, что он тупой?
Россиянин-оборванец
Очень умный, но слепой,

Он не видит, как дурачат
Русь – один большой ГУЛАГ.
Нет опасней передачи,
Чем известный всем «Аншлаг»!

Пусть, услышав, рвут и мечут!
Свет всегда сильнее, чем тьма!
Говорят, что смехом лечат.
Смехом лечат от ума!

* * *

Как становятся поэтом?
Рифмы, ритмы – не при чём!
Дверь в страну добра и света
Не открыть простым ключом!

Он честнее всех – как птица,
Он что видит, то поёт.
Птицелов над ним глумится
И смеётся идиот.

Так, без видимой причины,
Оказался он в силках.
Первобытные общины
Объяснялись сплошь в стихах!

Предок инка и ацтека
Был уверен в том, что нет,
Нет честнее человека
В этом мире, чем поэт!

* * *

Душа, ворча, сутулится.
Горазда чушь молоть она.
А я бреду по улице
И бормочу Болотина.

Я не учился в Гнесинке,

Н. Болотину

Пою так, не умеючи.
Впервые эти песенки
Узнал от Алексеича.

Они просты, как дважды два.
Попсою жить доколе нам?
Я б познакомил каждого
С репертуаром Колиным!

Дружок мне плюнул в душу – Ишь!
А я ответил: “Вот-те на!
Кого ты всё там слушаешь?
Послушай-ка Болотина!”

Я очень часто думаю,
А если б знали все – и чё?
На счастье и беду мою
Я знаю Алексеича.

Не ведаю, в чём роль иных
Поэтов: ниже ль, выше ли?..
Да только в песнях Колиных
Вы б многое услышали!

* * *

В этом городе серокаменном
Из панелей и кирпичей
Ветер мечется с серым знаменем,
Он, как я: не свой и ничей!

Тут знакомые с незнакомцами
Перемешаны – не поймёшь.
Перепутаны зимы с солнцами,
И не ясно, где брешь, где брошь.

Тут столкнулся со старушенцией,
Набрехала мне на врача:
Отказал он ей в индульгенции,
Истерически хохоча.

И за час она мне поведала
Всё: анамнез и эпикриз.
Прибалдев, как от Хэйви Металла,
Я старуху чуть не загрыз!

Папилломы – во! И полипы – во!
И маразм у ней, и склероз.
Эх, бабуся, да не пошли бы Вы?!
Я под тяжестью в землю врос!

Тяжко слушать вас, тошно попросту.
Вы не пили дурман-траву?
Н-да, до вашего, злого, возраста
Я уж точно не доживу!

* * *

Думаешь, что я не обижаюсь?
Нет, конечно. Я уже привык.
Герб. Мутант. Язык. Ещё язык.
Мне – раз я заметил, удивляясь!

Целый мир встал супротив меня.
Тоже мне, нашёл он супостата.
Неужели тело виновато,
Что в душе мышинная возня?!

Мир возник из шумной пустоты –
Замолкает лишь от поцелуя.
Если целый мир со мной воюет,
Почему стоишь в сторонке ты?

* * *

Гвоздика. Удивительный цветок.
Похож на взрыв и то, что после взрыва.
Не знаю, почему, но так красиво,
Как в смертный час живой воды глоток.

И хочется воскликнуть: “Бог, возьми-ка
Цветок, в котором пламень не остыл.
На землю – на могилу – брось гвоздику,
Поверив в то, что взрыв Большой тут был!”

* * *

Я люблю природу всей душою
За многообразие большое
И столицу – за её размер.

А ещё люблю СССР!

Сколько неотвеченных вопросов?
Я ищу во лбу седьмую пядь...
Многие подумают: “Философ?!”
Нет, я просто тот, кто хочет знать!

Слышал, вера может двигать горы.
Те же, кто не верит, не правы.
Герб с изображеньем живодёра
На щите у матушки Москвы.

Человек прокалывает змея.
Нет, я к ним претензий не имею!
Лучше герб, где лысый индивид
Москвичей разводит и доит!

* * *

У собаки очень грустный взгляд,
Как у настоящего поэта.
Пёс глядит задумчиво на этот
Мир, в котором прозой говорят.

И вздыхает молча от бессилья,
Слушая пернатых в полумрак.
Так поэты обретают крылья,
Глядя на задумчивых собак.

Ни породы нет у пса, ни масти!
И судьба цепная не по мне:
Видеть мир не в цвете, а в контрасте!
Слушать лай и песни выть луне!

Может, был я в чём-то виноват
В прошлой жизни – и плачу за это?!
У собаки очень грустный взгляд!
Как у настоящего поэта!

* * *

Дождь стучит, вбивая капли в землю,

В темя крыш, в запястия дорог.
Я иной развязки не приемлю:
От себя себя не уберёг!
Я смотрю в окошко хмур и строг.

Говорят, что дождь есть слёзы Бога.
Бог, как Авраам, занёс кинжал
Надо мной... и дождь распял дорогу,
Чтоб я никуда не убежал.

* * *

Смотрю американское кино.
Америка спасает всю планету.
В который раз проделывает это?
Ей вечно мало воздуха и света:
Закроешь дверь, она влетит в окно.
Америка спасает мир? Смешно!

Я поражён актёрскою игрой
И чудной режиссёрскою работой.
Америке всегда мешает кто-то,
И из накаченного идиота
Выходит и любовник и герой,
Став не звездой, а чёрною дырой.

Подписывая смертный приговор,
Он истребляет сотнями массовку.
Проделывает это он так ловко,
Что хочется взять мыло и верёвку
Или в затылок выстрелить в упор.
Но Нарру end'ы в моде до сих пор!

Чужая боль не стоит ни гроша!
На весь экран мордovorот какой-то.
Хрустит эпистрофey. Кровь – из брандспойта.
И, закрывая страх в глазах рукой, ты
Смотри, чем не гнушается душа.
Подумать только, смерть – и хороша!
А треть Земли с названьем кратким США,

Заняв планету на всю ту же треть,
Спасает Землю – мне б её заботы, –
Не уступая миру ни на йоту.

Америке всегда мешает кто-то,
И этот кто-то должен умереть!

Весь мир её построен на костях –
Смотри о том в кино и новостях!

* * *

Мы с тобою взглядами столкнулись в коридоре,
На мгновенье ока робко замерев.
Мы с тобой не в дружбе, мы с тобой не в ссоре.
Словно туз бубновый и шестёрка тref.

На лице серьёзном вряд ли дрогнет мускул.
Люди – нет чуднее из земных существ.
Не при всяком столкновении корпускул
Происходит превращение веществ.

* * *

Закат отражается в окнах, ни много ни мало
На стёкла налив раскалённые лужи металла.
Безветренно, и облака побросав якоря,
В почтении ждут, как прошествует мимо заря.

Задумчиво-грустно и я наблюдаю в окне,
Как мимо меня жизнь проходит, тоскуя по мне,
И как друг за другом, ища меня, смотрят в окно
То месяц, то солнце и снова то он, то оно.

* * *

Любовь угасла. Страсть остыла. Странно,
Любви есть тоже, видимо, конец.
Ещё вчера была на сердце рана,
Сегодня – нарывающий рубец.

О том, что будет завтра, думать страшно:
Вспоминанья будоражат кровь.
Ах, боже мой! Вернуть бы день вчерашний,
Чтоб завтра всё кровоточило вновь!

* * *

Везу продукты, будто запряжённый,
В больницу, к маме, повидаться с ней.
Бывают бывшие мужья и жёны,
Но не бывает бывших матерей!

* * *

Ты не прорицатель, не пророчь.
Небо окисляется под ночь.

Млечный путь определил фарватер
Где-то на окраине небес.

А луна? Она катализатор:
Ускоряет длительный процесс.

Утром небо восстановят солнцем,
Ярким тёплым солнцем надо мной,
И прогонят ветра-марафонца
Вместе с отфильтрованной луной.

* * *

Снился мне ад – настоящее горе.
Страх наблюдал за мной из-за кулис.
Он был бесплотным аморфным, как море.
Он надо мною, как туча, навис.

Я убежал – бесполезно. Не спорю,
Если б не утро, меня б он загрыз.
Снился мне Сад в подвенечном уборе
Но не вишнёвый, увы, а маркиз.

* * *

Нет, против свадьбы я не возражаю!
Невеста – пьфа! Фата. Кольцо. Букет.
Хотел бы я жениться?

Честно??

Нет!

Невеста хороша, пока чужая!

* * *

День пролетел, как по небу болид,
И смерть потёрла жадные ладони.
По радио – великий Морриконе.
Моя душа играет на гармони,
А грусть в ответ ей в дудочку дудит.

Луна на небе, будто царь на троне,
Всю ночь многозначительно молчит
И тускло-тускло светит, как софит,
На образ, тот, что замер на иконе –
Надеюсь, что меня Господь простит!

Метель клубится дымом благовоний,
И Лермонтов «... с звездой говорит».
А я стою и плачу на балконе,
И на меня, как два вора в законе,
С небес глядят Господь и Демокрит.

Похищена душа. Поэт забыт.
Читают лишь Донцову и Бенцони
В автобусе, в вагоне, на перроне –
Людей дешёвка манит, как магнит!
А без внимания я – инвалид!

Прносятся года, как будто кони.
И тянется судьба, как Пеперони,
И где-то в сердце пустота болит.
Наверно, я не буду знаменит!
Когда меня убьют и похоронят,
Спустишь к поэту с неба, как болид!

* * *

Любовь – это больше, чем прихоть, мечта и каприз!
Как поршень! Как пресс! Как забитая в горло

заглушка!

Вползая в нутро: от мизинца ноги до макушки, –
Она по душе бродит с факелом и колотушкой
И ищет меж Идом и Эгом во тьме компромисс.

Любовью к себе был наказан прекрасный Нарцисс,
И высохла нимфа, оставив лишь шёпот на ушко.
Дороже червонца, гораздо дешевле полушки,
Любовь – это то, что не делит подружка с подружкой,
А корчит улыбку в безмолвном, бесчувственном “чиз!”

Любовь беспощадна и зла: тут молись – не молись!
Царевну ищи и целуйся с любою лягушкой.
Любовь опьяняет собою похлеще чекушки,
Любовь к человеку – для бога, должно быть, игрушка –
Облизываясь, он следит за ней из-за кулис.

Ладони потрёт и посмотрит на нас сверху вниз,
Нектар отхлебнув, как ячменный напиток из кружки.
Любовь несравнимо дороже любой побрекушки,

Но память о ней не сворует склероз у старушки,
Пока её сердцу не скажет смерть: “Угомонись!”

Любовь согревает людей, никакой антифриз
Её не остудит – мы все у Амура на мушке.
В кого-то из лука – в меня же палит он из пушки!
Любовь – это хищник, ему я расставил ловушки,
Он их обошёл и мне горло, смеясь, перегрыз.

И всё-таки: что если я вдруг шагну за карниз?!
Пускай причитают на лавочке старые клюшки!
Песочные замки падут, онемеют кукушки.
Песчинка-душа превращается в жемчуг в ракушке.
Душа, как Щелкунчик, живёт в популяции крыс!

Один прочитает подобное, скажет: “Раскис!”
Другой скажет: “Чушь!” Третий: “Клоун! Фигляр!

Шут! Петрушка!”

Четвёртый вздохнёт и положит стихи под подушку...
Жизнь душу согнула в дугу, а ещё точнее в дужку,
И мир для меня как дом скорби, в котором айтыс.

Стихи – это больно! Но многие просят на бис.
Наверно, не прав я, любовь – это тоже каприз!

* * *

Я с каждым годом становлюсь мудрее!
Когда ты лжёшь, мне грустно и смешно.
Взлетает взгляд мой: пол, стена, окно,
Ночь, потолок, кашпо и батарея.

Я с каждым годом становлюсь старше!
На небе ночь играет в домино.
Грустит луна, которой всё равно –
Ей нужно, чтоб рассвет пришёл скорее.

Ты лжёшь тепло, но ложь меня не греет.
Мне этой лжи достаточно в кино.
И я тебя разоблачил давно:
Любовь – безвыигрышная лотерея,
В ней всё уже до нас предрешено:
Ты лжёшь – я верю, но смотрю в окно!

* * *

Мне кажется, что жизнь прошла напрасно,
Как будто бы я всю её проспал:
Несчастливым лёг и утром встал несчастным –
Наверно, сон ночной её украл.

Живу в плену кошмарных сновидений,
Где нечисть с криком гонится за мной,
Внушив, что через несколько мгновений
Кружится перестанет шар земной.

Повсюду люди страшные, как черти.
И лгут и льстят – тут ясно всё без слов.
Живу во сне, чтоб бодрствовать в смерти,
Которую я встретить не готов.

Лежу, лежу на плюшевом диване
И с августа жду новую весну.
Сомкнул глаза – устал от праздной дряни.
Как перед бурей, поднятой в стакане,
В затишье перед смертью отдохну.

* * *

Я согнут, как стальная арматура.
Я сломан, словно палка об колено.
Я был когда-то каменной скульптурой,
А нынче стал зелёною эвгленой.

Беспозвоночный, я умру нескоро.
Зелёный как печаль, тоска, кручина.
Никто не знает, фауна иль флора?
Старик, ребёнок, женщина, мужчина?

Вся жизнь моя настолько иллюзорна,
Что самого меня порою бесит.
Мне Золушку бы с ножкой инфузорной,
Чтоб туфельку надеть ей, как принцессе!

* * *

Я жил три дня приклеенным к окну.
Я ждал, вот-вот покажешься в парадной.
Жить в ожидание трудно, но отратно.
Но как же горько, больно и досадно
Мне, не дождавшись, отходить ко сну!

Я чувствую какую-то вину,
Хоть накануне ты сказала: “Ладно!
Я буду *макияжна* и нарядна!”
Ты солгала, но, боже мой, как складно!
Во лжи твоей, как в омуте, тону.

Я в парке завтра спрячусь за сосну,
Увидев то, что видеть неприятно,
Тебя, как ты нарисилась изрядно,
И как благоухая ароматно,
Идёшь с другим. К нему. И прокляну!

* * *

Нечеловеческий талант.
Источник снов и вдохновений.
Жизнь не из лет, а из мгновений.
Хоть он гораздо легче тени,
Его не удержал атлант!

Сверкая будто бриллиант,
Царей он ставит на колени.
Причина креативной лени.
Он философствует на фени,
Среди талантов он мутант!

Он и поэт и музыкант.
Он бог, сидящий на измене.
Он жизнь, бегущая по вене.
Невидимый, как фарш в пельмене,
Он “вещь в себе” – сказал бы Кант!

Вальяжен, как испанский гранд!
Мудрец. Пройдоха. Шизофреник.
Он – правда: он дороже денег!
Жизнь – лохотрон, а он мошенник!
Чтоб им владеть, не нужен грант –
Поглубже закопай талант!

* * *

Жизнь вонзает в спину нож,
Думая, что ты поймёшь.
Только я не понимаю,
Нож короче палаша,
В спину бьют – болит душа.
Жизнь настолько хороша,
Что от жизни без ума я.

Может быть, потом пойму,
Кто взял нож и почему.
Удивительный мой путь
Пройден мной на половину.
Если нож вонзят мне в спину,
Помолюсь Отцу и Сыну
И подставлю гордо грудь!

Пробежит по телу дрожь,
И вонзится в сердце нож!

* * *

В моей душе предчувствие беды.
Стираю мысли с чёрной бороды.
И в радости, должно быть, грусть уместна!
Я всё стерплю: и зависть и молву.
Но я боюсь, что не переживу,
Поняв, что жизнь моя не интересна!

* * *

Я иногда соображаю туго.
Мне трудно угадать, что будет впрередь.
Сегодня мне судьба вернула друга,
И я готов от счастья умереть!

* * *

Все послали к чёрту в одночасье,
Все: друзья, знакомые, родня.
Одиночество моё мне жизнь не красит.
Красит лишь меня. Не для меня!

Одинокий, я борюсь с тоскою,
Я живу один среди людей.
И до друга мне подать рукою.
Он ударил по руке моей!

Одинокий, значит, интересный.
Значит, не такой, как все вокруг.
“Ты не нужен мне” – сказал мне честно
Самый-самый-самый лучший друг.

Ночь безлунна, но звезда зажглась и
Жалостно так смотрит на меня.
Все послали... к чёрту в одночасье,
Все: друзья, знакомые, родня!

* * *

Природа машет флагом Украины:
Полфлага – из небес, до середины,
Полфлага – из октябрьской листвы.

И бархатно-оранжевая смута
Проникла в душу, поползла как будто
От Киева до матушки Москвы.

* * *

Казалось бы, недавно, в школьном детстве,
Я видел одноклассника с девчонкой
И думал, что она его сестра.

Закончил институт. Тружусь. Начальник.
Увидел одноклассника с девчонкой,
Подумал: у него уже есть дочь.

Когда-нибудь я выйду из собеса,
Увижу одноклассника с девчонкой,
Она его дедулей назовёт.

А я совсем один, и думать поздно!

* * *

Я знаю, я, конечно, не подарок!
Я слишком часто правду говорю.
Я не могу оклеветать зарю
И не могу не замечать помарок.

Когда я слышу чьи-нибудь стихи,
Я не могу хвалить их аргументами,
Не рассмотрев отдельные штрихи.
А ведь для графомана – это горе!

В стихах я, как Америка, открыт,
Но на меня с невидимой вершины,
Как на чужую новую машину,
С прищуром он, завистливо, глядит.

* * *

В сомнениях ёрзает и ёрничает бес.
Летит снежинка-ангел в знак протеста.
Упала. Вдребезги. И мокрого нет места.
Так падший ангел падает с небес!

* * *

А. Косенкову

Не суди по песни птицу –
Нынче бардом каждый хлыщ!
Кто не знает, что столица
Начинается с Мытищ?!

Что нам Визбор с Окуджавой –
Мало ль в мире чудаков.
И певец и парень бравый
Александр Косенков.

Я молчу, как бедный Йорик,
Покраснев со зла, как прыщ.
Я, конечно, не историк,
Но Москва старей Мытищ!

И хотя столица рядом,
За ползучим гадом МКАД,
Нет, каким же надо гадом
Быть, чтоб так вот... наугад?!

Слышишь, эту песню снова
Завели для дураков.
Н-да, “вначале было Слово”,
А до Слова – Косенков!

* * *

Привязанность – это странное чувство,
Когда то, что тебе не принадлежит,
Ты почему-то считаешь своим.
Чужую землю ты называешь своей родиной,
Посторонних людей – своими друзьями,
А жену знакомого – своей любимой.

Складывается впечатление,
Что всё вокруг твоё и для тебя.
И когда от тебя вдруг пытаются
Отделаться твоя, твоё или твой,
Ты понимаешь, что не в силах
Удержать их и объяснить им,
Что отказаться от привязанности
Так же легко, как отпустить

Птичку из клетки, а вернуть
Это странное чувство также трудно,
Как потом поймать эту птичку на воле.

Безответная любовь – это
Особая привязанность, сравнимая
С тем, если тебя прикуют к скале,
И ежедневно орёл станет выклевывать
Твою печень,
А она будет за ночь отрастать вновь.

Выходит, что не сердце,
А печень – орган несчастной любви!
Который иногда бьётся, куда сильнее
Сердца и колется, как будто и впрямь растёт!
Несчастный влюблённый
В предвкушении воплощения фантазии
Теряет голову.
И всё-таки лучше быть обезглавленным любовью,
Чем обеспеченным ею!

*

*

*

Живу среди нахрапистых пигмеев!
Необоснованных претензий – тьма!
Как будто бы весь мир сошёл с ума,
И я в нём ничего не понимаю!

От истины они так далеки!
Так недалёки! Но страдаем мы-то!
Они растут везде, как сорняки,
Достоинства которых не открыты!

* * *
Прости за то, что я неидеальный
Влюбился в идеальную тебя,
За то, что я впотьмах брожу по спальне,
Письмо без адресата тебе.

За то, что я хочу тебе открыться,
Но как-то всё робею – не могу.
Тирады, мадригалы и петиции
Необъяснимо бессердечно лгут.

Вчера встречались. «Как дела?» «Нормально.»
Нормально, жить на свете не любя?!
Прости за то, что я неидеальный
Влюбился в идеальную тебя!

* * *
Смотрю на Ваш портрет
Обманчиво весёлый.
Бесхитроsten поэт,
Он перед миром – голый!

Лениво пряча стыд,
Едва ли улыбнётся.
Всю ночь на ночь глядит,
Подсчитывая солнца.

А на него луна
Влюблено смотрит с тучи.

П. Соболеву

Ей кажется, она
Лелеет невезучих.

* * *

В регистратуру очередь большая,
Как некогда в кремлёвский мавзолей.
Тут все стоят: вон дядя Бармалей,
Тортилла и носастый чурка с ней,
И я тут «кто последний?» вопрошаю.

Стою и молча слушаю больных,
Какие же диагнозы у них!
Один с перебинтованной рукою,
Другой уныло хлюпает с платком.
Бабуся двухсотлетняя с клюкою
Прёт смело, как бульдозер, напролом.

Казалось бы, ещё совсем немножко,
Ведь вот оно, заветное окошко.
Но очередь стоит, как море в штить.
В окне соседнем платные услуги:
за денежки излечат все недуги.
Но никого туда со всей округе,
Все – в очередь для нищих простофиль!

Стою за справкой – к чёрту б справку эту!
Подходит девушка, взгляд вскинув в облака.
Без палки, без повязки, без платка.
И говорит мне, оробев слегка:
“Фкавыгте-ка, вы товэ к факапету?”

* * *

Дворником устроился на лето,
Натянул кепчонку до бровей...
В. Фурсов

“Дворником устроился на лето.
Натянул кепчонку до бровей”,
Собираю мусор и за это
Получаю тысячу рублей.

Не за день, конечно – за минуту.
У меня сейчас такой аврал.
Каждый день работа – это круто...

Вот вчера двух “мусоров” убрал!

* * *
Если я говорил “ну-ну” –
“давай” имелось в виду...
И если я говорил “ага”,
имелось в виду “пока”.

В.Ильицкий

В книжице я тут прочёл одну
Какую-то ерунду.
Странно, поэт говорит “ну-ну” –
“Давай” – имеет в виду.

В стихах застряла вторая нога,
И книжицу мнёт рука,
Когда говорит поэт “ага” –
Имеет в виду “пока”?

Как лихо он закрутил сюжет –
Не въеду и не войду.
А если он говорит: “я – поэт!”,
Что он имеет в виду?!

* * *
Опять бросаю камень в реку,
Но не идут по ней круги...
А он всё катится по льду.

А. Хлестков

Гордыня – страшный грех. И это мне не ново.
Я встретил как-то тут товарища Хлесткова,
Который мне сказал, ухмылки не тая,
Совсем не делая из этого секрета,

Ему известно два мытищинских поэта:
Один – Хлестков, другой – конечно же, не я.

От этой клеветы мне стало так хреново:
В зобу дыханье спёрло, перехватило дух.
Мытищинских поэтов я знаю больше двух,
Но в первой дюжине и близко нет Хлесткова.

Хлесткову надо впредь сей факт иметь в виду,
Чтоб в будущем не захламлять камнями реку,
Ведь очевидно и простому человеку,
Что не утонут, а покатаются по льду.

Но в этой жизни всё, увы, наоборот.
Поэт мытищинский читателем не понят...
Вот этот странный камень, что в воде не тонет,
Предназначался в мой уютный огород.

Но промолчу, хотя подумаю в душе я:
Гордыня – страшный грех, нет-нет, без дураков.
На сердце камень всё же лучше, чем на шее.
Ах, если б это знал и Александр Хлестков!

* * *

Сердечные раны не лечат зелёной,
И нет от любви ни таблеток, ни слов.
Любовь может ветреной быть как девчонка,
И сосредоточенной как змеелов.

Любовь не проходит и не остывает,
И не исчезает в туманности грёз.
И рана сочится её ножевая,
И ты понимаешь, свой век доживая,
Что справиться может с ней только склероз.

* * *

В реальной жизни всё совсем не так,
Как хочется, но разве в этом дело?
Промчалась жизнь, а жить не надоело.
Не знаю, почему, но верю смело,
И вижу в совпадениях божий знак.

Смотрю сквозь приглушённый полумрак

В твои глаза, в их глубь, за их пределы,
Где страсть изнемогла и обомлела.
И умиленно, и остервенело,
Как пятерню, пять чувств я сжал в кулак.

Твоим суровым “Нет!” задут маяк,
К которому душа моя летела,
Она любовью не переболела,
Ведь, что хотел я: душу или тело –
Не разобрался до сих пор никак.

* * *

Живу одной надеждою на встречу,
Но встретиться до ужаса боюсь.
Я знаю, что не любишь – и смеюсь.
Я знаю, но от этого нелегче.

Зачем повсюду лезет нос еврейский?
Зачем же мне любовь, как крест, нести?
Зачем я, как “лежащий полицейский”,
Лежу преградой на твоём пути?

Ты не свернёшь, промчишься как Ferrari,
И только мост подскочит и сверкнёт,
Ударившись... и подлетит капот –
Я и за это жизни благодарен!

Зачем тебе признался я, хотя бы
Раз в жизни всё же должен был смолчать.
Теперь ты знаешь: на пути ухабы,
И всякий раз их будешь объезжать.

Затормозишь. Тихонько переедешь –
Не стукнешь днище, не ударишь мост,
И вдаль умчавшись, так и не заметишь,
Что эта ночь – промасленная ветошь,
А в тёмном небе фары вместо звёзд!

И я заплачу, и задую свечи.
И пусть по телу пробежится дрожь,
Я сяду у окна, поверив в ложь,
И буду ждать нетерпеливо встречи,
Надеясь, что ты всё же не придёшь!

* * *

Растираю пальцами виски,
Думая о том, что быть не мне с ней.
Люди умирают от тоски,
А не от хронических болезней.

Если ты не нужен никому,
Если сердце съёжилось от скуки,
Знай, что жизнь похожа на тюрьму,
Где через решётчатую тьму
К свету ты протягиваешь руки.

Я смотрю, как в зеркале хандра
Страсть к любви и к жизни погасила,
Как в молчанье смертного одра
Кроется неведомая сила.

Мы с тобою не были близки
И не будем – так ведь интересней.
Люди умирают от тоски –
От хронологической болезни!

* * *

Будь снисходителен: не всем дано
Понять, что ты не зря живёшь на свете,
Что без тебя не смогут эти дети
Увидеть всю Вселенную в окно.

Пусть за окном и пусто, и темно.
Мир чёрно-белым кажется в газете,
А ты, его себе представив в цвете,
Скажи, как бог: “Исправлю! Решено!”

На небе ночь рассыпала пшено.
Рассвет его склюёт и не заметит –
Привычка в тысячи тысячелетий.

Мы здесь никто! И разве не смешно,
Что мы с тобой перед детьми в ответе
За то, чтоб жизнь осталась на планете?!

Пройдут века – без нас! Пойми одно:
Не я, так ты; не ты, так кто-то третий
Детей научит правде всё равно!

А это ведь не многим суждено!
Задумайся об этой эстафете!

* * *

Я горжусь не тем, что крут.
Я тут решился как-то
Написать научный труд

На нереальных фактах!

Что, скажи, смешного тут?
И если не дурак ты,
Поступай в пединститут,
Но не иди в дидакты!

* * *

Я так скучаю по тебе, тебя мне не хватает.
Проник я в таинства любви, как будто влез в петлю.
В чём смысл термина «любовь», не знаю, но люблю!
Любовь, застав меня врасплох, возникла как инсайт.

Неразделённая любовь страшней любых отмищений.
Когда ты думаешь о ней, огромный мир – юдоль.
И ощущаешь, как сладка непонятая боль.
Любовь – опаснейшее из фантомных ощущений!

До ампутации души не думал я о боли.
Любовь – таинственный рефлекс, проклятый феномен.
И изменившийся я жду от мира перемен,
А он такой же – мир, что я учил когда-то в школе.

Я сублимируюсь, как йод при мысли о разлуке.
Любовь преследует меня как паранойя, но!..
...угаснет жизнь, сгорит любовь – останется одно
Безмолвие, когда из чувств поэт выводит звуки.

* * *

Бываю я жестоким, как ребёнок.
Откуда эта гнусная черта?
Сказал, не понимая ни черта,
Что скромность украшает тех девчонок,
Кого не украшает красота.

Старушка, прочитавшая сто книжек,
Уставилась, как будто я ей зять,
Сказав, что ум – достоинство мальчишек
Молчащих, если нечего сказать.

* * *

Я выплакал все слёзы – теперь мой плач без слёз!
И нет ещё наркоза, чтоб подавить некроз.

Мне душу распорили и вытащили стыд
Слова с фантомной болью, звучащие навзрыд.

Зажмурюсь, вижу взгляд твой: одни твои глаза –
Любовь сильнее клятвы, когда любить нельзя!

К неразделённым грёзам добавится невроз.
Под старость со склерозом мы встретимся всерьёз.

И я тогда остыну в стремленье к небесам,
И сердца половину навек тебе отдам.

Наивен я? Да где уж! Пойми, твой путь хорош –
Чем позже повзрослеешь, тем дольше

проживёшь!

Пусть в сердце под рубахой крючком висит

вопрос:

“А не послать ли к чёрту тоску, что горше слёз?!”

* * *

Ни нос, ни губы, ни глаза, ни уши,
Ни стан, ни грудь, ни прочие места –
Ну, всё: всё, что внутри и что снаружи –
Не то! Но жизнь без этого пуста!

Казалось бы, бывают интересней,
Умней, красивей, ласковей, нежней,
Но я тебя люблю! И хоть ты тресни,
Нет никого любимей и нужней!

С надеждой пожелтевшие тетрадки
Молчат в стихах о том, как я скулю.
Я знаю, у тебя есть недостатки
И, видимо, за них тебя люблю!

* * *

Как на дыбе, я б повис на дубе,
Карий взгляд уставив в небеса.
Тяжело, когда тебя не любят,
Тяжелей, когда не любишь сам!

Отказаться не могу, а надо –
У любви той будущего нет!
Я с верёвкой тут, у дуба, сяду
И, заплакав, дам себе обет,

Что тебя не буду больше мучить,
Что тебя оставлю, отпущу
И уйду туда, где плачут тучи,
Где заря завидует борщу.

Мы с тобою впредь не будем вместе:
Ты не любишь – я тебе не мил.
Если на твоём бы я был месте,
Я б, наверно, тоже не любил!

* * *

Собака Павлова – обманутая псина.
Она понятна мне и как никто близка.

Грусть засосала как болотная трясина
Влюблённого в свои ошибки дурака.

Надеждой, как и я, измучена собака.
Заходит человек в угрюмый кабинет,
Должно быть, покормить, попотчевать, однако
Включает свет... слюна течёт... а мяса нет!

Вот так и я точь-в-точь! Прикидываясь мудрым,
Живу надеждою одной, всю жизнь скорбя,
И, просыпаясь от озноба ранним утром,
Я вижу свет – весь белый свет, где нет тебя!

* * *

Я бы умер, но не в этом дело.
Я бы умер, чтоб родиться вновь,
Чтобы всё во мне переболело,
Чтобы в жилах ртутью стала кровь.

Я бы умер, чтоб не знать печали,
Чтобы грусть растаяла, как снег,
Чтобы больше не напоминали
Мне, что я хороший человек.

Так вот и живу осиротело.
Я другой и этим лишь хорош.
Я бы умер, но не в этом дело –
Дело в том, что жизнь не проведёшь.

* * *

Я в жизнь твою влетел на танке,
Перевернув в ней всё вверх дном.
Я часто думаю о том,
Кто погребёт мои останки,

Кто будет плакать обо мне,
Зажжёт свечу в печальном храме,
И причастится мне стихами,
Молясь не богу, а Луне.

Кому оставлю я свой флаг –
Песнь о любви к прекрасной даме,
Не проявившейся с годами
В судьбе практически никак.

Кто скажет, он мог стать счастливым,
И я бы мог ему помочь,
Но не помог, а выгнал прочь.
Да, прочь прогнал, смолчал учтиво.

Он, отпустив меня, ушёл,
Уплыл с Хароном вдаль по Лете.
Он знал, что лишний, он заметил,
Как без него мне хорошо.

* * *

Я эгоист. Я так тебя люблю
И не хочу ни с кем тобой делиться.
До хруста жадно сжал в руках синицу,
Хотя и тосковал по журавлю.

И как тут не отчаяться – вот блин!
Для мыслей я стал чем-то вроде дартса.
Летит по небу журавлиный клин,
Оставив место мудрому аварцу.

Ищу тебя, смотрю на небеса,
Куда вожак метнётся, влево ль? вправо ль?
Не ты, а я обманутый журавль,
А ты из сказки хитрая лиса.

Куда ни гляну, как зажмурюсь – ты
Подобно миражу передо мною.
Мечусь фотоном в недрах темноты,
Пою, как Феб, ты думаешь, что ною.

Вполне возможно, так как может быть
Не создан Богом, а поэтом выдуман,
Любя, не научившийся любить
Великий и ужасный Миша Фридман.

* * *

Неужели так и не простишь
И до самой смерти будешь дуться?
Ты передо мною как на блюде
Со своей душой стыдливо-куцей,
Серой и трусливой, словно мышь.
Неужели так и не простишь?

Я перед тобой не виноват!
Я был честен с самого начала,
Я считал, что дружбы будет мало
И сказал, а совесть промолчала.
И теперь не прячь стыдливо взгляд –
Я перед тобой не виноват!

Я хотел бы навсегда уйти,
Не искать с тобой случайной встречи.
Догорит любовь, как эти свечи,
И, услышав, как поёт кузнечик,
Не остановлюсь на полпути –
Я хотел бы навсегда уйти!

Я просил прощения не зря –
Не из-за вины – из-за обиды.
Я видал, как плачут эвмениды.
Я родился в дебрях Атлантиды
В грустный день шестого октября.
Я просил прощения не зря!

Неужели ты поймёшь потом,
Набирая номер мой нервозно,
Что моя любовь прошла, и поздно
Мне воспринимать тебя серьёзно.
У тебя застрянет в горле ком!
Неужели ты поймёшь потом?!

Я тебя забуду и уйду.
Не простишь? Да, боже мой – не надо!
Бог простит, и сердце будет радо!
Я смотрю на дурочку с досадой.
Мне смешно. А ты имей в виду,
Я тебя забуду и уйду!

* * *

Под окном цветёт жасмин,
Как невеста белый.
Я теперь живу один –
Ты так захотела.

Ты ко мне должна прийти –
Я готовлю ужин.
Только я тебе, прости,
Вот такой не нужен.

Не красив и не умён –
Нас подобных много –
Вождь отверженных племён,
Ищущих дорогу.

Мир, в котором я живу,
Полон лжи и грусти,
И едва он наяву
От себя отпустит.

Путь лежит мой через сплин.
Я смотрю в оконце,
А под ним цветёт жасмин
Идолопоклонца.

* * *

Я влюблён в сомнения свои,
Я в душе их трепетно лелею,
С ними мне гораздо веселее
Проходить сквозь каверзы любви.

С ними жизнь не кажется отрезком
Трудного тернистого пути.
Оказалось, по нему идти
Одному придётся, так как не с кем.

Я б пришёл, ты только позови.
Думаю о нас с тобой и млею.
Сомневаюсь? Да! Но не жалею,
Несмотря на то, что тяжелее
Чувствовать, чем думать о любви!

* * *

Смотреть, как плачет парень, нету сил.
Слезами пробирает до мурашек.
Читая книгу, сильно приуныл.
В гробу должно быть обыкался Гашек.
Я понял, в чём пацан не сознаётся:
Тот, кто от армии не откосил,
Над бравым Швейком вряд ли посмеётся.

* * *

Ищу в телевизоре нужный канал.
Я знаю, ведущий – обманщик,
И нашим, и вашим, как бисексуал –
На тех и других один ящик.

Не верю ему, а ему наплевать,
Он “чешет” своё напрямую.
Я слушаю это опять и опять,
Вот только зачем, не пойму я.

Возможно, от лжи иллюзорно светлей
Становится жизнь у могилы,
И добрым становится злой Бармалей,
И милым вполне Чикатило.

Я с детства подобного не понимал,
И не собираюсь учиться,
Ищу в телевизоре нужный канал,
Где вместо ведущих таблица.

* * *
Правда – это тот прекрасный повод,
Чтоб тебя весь мир возненавидел.

* * *
Сделать из амбара ЦУМ
Может только Амбарцум!

* * *

Л. Злонской

Живёт в Мытищах поэтесса...
Ю. Петрунин
(название предисловия к книге Л. Злонской
“Листопад осенних снов”)

“Живёт в Мытищах поэтесса”.
На поэтессу нет Дантеса.

* * *

Конечно, президент – такой же человек.
Он так же ест и пьёт, и так же любит женщин.
Он чьим-то языком навеки обещен,
Хотя ему молва как прошлогодний снег.

Нет дурня, кто из нас им был бы недоволен,
Но каждый вшивый смерд, на свет рождённый зря,
Берётся рассуждать о власти за царя,
Плюя на весь народ с высоких колоколен.

Не царь, а президент, и кресло, а не трон,
И преданнее слуг кремлёвские холопы.
России не указ Америка с Европой –
Заклятые друзья теснят со всех сторон!

Конечно, президент – такой же человек,
Такой же, как и мы, и педагоги те же
Делились с ним умом – нет более медвежьей
Услуги – я прошу прощенья у коллег.

Так разума его на всех нас не хватило,

Зато он молод, трезв, к тому ж борец дзю-до,
И очень странен он: неведом – не ведом,
И имя не Руслан, хоть и жена Людмила.

Не то, что миром всем, собою кое-как
Нам трудно управлять – нет дня, чтоб без загвоздки...
И Маяковский-то обрадовался б тѣжке:
Что не Емеля царь и не Иван-дурак!

Без этого царя и мир наш не уютен,
Но что случилось раз, то не пройдёт вовек.
Конечно, президент – такой же человек,
Такой же, только царь! Но кто его Распутин?

Кто управляет им, варяг иль печенег?
Кто за его спиной всё время сеет смуту?
Кто на себя возьмёт обязанности Брута?

Кто на себя возьмёт обязанности брата?
Придёт предел всему – и вечности когда-то –
И президенту – он такой же человек!

* * *

Я простак. Я поэт тридцать третьего сорта.
Сердце прыгает, скачет в груди, под рубахой,
Будто хочет с небес снять рукою звезду,
Посылая весь мир и хозяина... к чёрту.
И я голову молча склоняю над плахой,
Жизнь держа, как Есенин коня, за узду.

Простота моя – это обычное горе.
Я молчу, кулаком своим мыслям грозя.
В баснословно-богатом российском фольклоре
Есть слова, без которых поэту нельзя!

* * *

Я очень люблю Новый год!
Жду к полночи деда Мороза.
Спивается, но от цирроза
Он вряд ли когда-то умрёт.

Год кончен – хорошая весть! –
За это кто с дедом не “вмажет”?!
Всю ночь напролёт можно есть –
Никто тебе слова не скажет!

Но вот на часах без пяти.
За витиеватою фразой
К нам Новый год должен прийти,
Вняв всем президентским наказам.

Меняется всё, но не мы!
Летит снег, как пух из перины.
Мы ждём с нетерпеньем зимы,
Чтоб с ёлки собрать мандарины.

Куранты замедлят свой ход
Не в старом, не в новом, а между!
Пробьют и разбудят народ!

Я очень люблю Новый год
За то, что он дарит надежду!

* * *

Наша жизнь сродни похабной песни!
Нас пугают – как тут не заржать! –
Тем, что венерических болезней
Никому теперь не избежать,
Что любовь порой не справедлива:
Вирус у любого может быть.
Учат одевать презервативы,
И никто не учит, как любить!

Думать о любимой ежечасно,
Узнавать любимые черты
В незнакомках – боже, как прекрасно
То, что кальки нет у красоты!
Слышишь примитивную Алексу?..
Успокойся, как себя не рви,
Всё бывает: и любовь без секса,
И печаль от секса без любви!

* * *

Меня вчера облаяла собака,
А я стоял, не знал, что ей ответить.
Сегодня я в таком же был смятенье,
Когда меня облаял человек.

* * *

Какой-то бомж меня окликнул: “Брат!”
Какой я брат?! Мы даже не похожи!

* * *

Спускаюсь в тартар метрополитена,
Навстречу мне ползут десятки лиц,
Конвейер судеб в миллиард страниц,
Не читанных ни мною, ни вселенной.

Ищу, как ищут воду в знойный день,
На лицах их улыбку – знак надежды.
Ни в ад, ни в рай лежит их путь, а между,
Однако же им улыбаться лень.

За мной толпа, как лава – треснул кратер –
Ни одного счастливого лица.
Толпе нет ни начала, ни конца –
И как их только держит эскалатор?!

* * *

Как хорошо живётся дураку,
Не знающему о своём недуге!

* * *

Вечер пахнет клеверно-полынным ароматом,
Деревенским воздухом отроческих лет.
Догорает молодость заодно с закатом,
На груди окислился медный амулет.

Дремлет старый пруд в тени с изумрудной ряскою.
Спит кикимора в пруду, в дебрях камыша.
Одноглазая луна с жёлтою повязкою
Смотрит, как в моей груди мечется душа.

Дождь крадётся, словно вор, спрятавшись за тучами,
И в свинцовых небесах ни одной звезды.
Ивы от радикулита сделались скрипучими,
И уже не слышу я, как поют дрозды.

Я смотрю на амулет, тот, что вместо крестика.
Даже если грянет гром, не перекрещусь.
Обры-ваю-лепе-стки – весь цветок – до пестика.
И не мокну под дождём, как не мокнет гусь.

Может, любишь, может, нет, а цветку не верю я.
Тополиный пух летит, будто тёплый снег.
Я могу тебе простить даже лицемерие,
Только жалости твоей не прощу вовек!

* * *

Разорвано письмо, но почерк бесподобен.
По родине своей иду, как будто царь:
Родная улица в четырнадцать колдобин,
Где в тишине грустят скамейка и фонарь.

Пустует стылый трон. Не слышно песен пташек.
И я иду сквозь ночь с разорванным письмом,
И вместо нежной кожи тысячи мурашек,
И образ твой в душе запечатлён клеймом.

Простить тебя могу, но не имею права.
В окне знакомом свет, но он не для меня,
Ни денег нет ещё, ни власти нет, ни славы,
Стихов – и этих нет уже четыре дня!

Когда б моё письмо ты тоже дочитала,
Я б промолчал сейчас, я б не кричал навзрыд,
Ведь я не прототип земного идеала,
И мой талант в земле давным-давно зарыт.

Когда-нибудь его я всё же откопаю,
А, может быть, он сам когда-то прорастёт.
И я дождусь акмэ! Моя любовь слепая
Пройдёт со мной всю жизнь, как будто море в брод.

Не встретимся с тобой мы впредь ни на минуту.
Я напишу письмо – ты вновь его порви.
Я в память о тебе нарву букет цыкуты,
Чтоб мне напоминал он о моей любви!

* * *

Неслучайно я Вас встретил на прогулке в час ночной,
Неслучайно Вы бродили одиноко под луной,
Неслучайно я оставил на подушке тёплой сон,
Неслучайно, неслучайно я спросил Ваш телефон!

Навсегда его запомню, никогда не наберу.
Вы исчезнете под утро, как исчезнет ночь к утру.
Вы не будете мне сниться, я не стану сниться Вам.
Вы поверили не чувствам, Вы поверили словам.

Вы меня себе создали из бесплотной пустоты
И в общении случайно перешли со мной на “ты”.
Я фантазией останусь на прогулке в час ночной.
Неслучайно, неслучайно не простились Вы со мной!

И теперь Вы неслучайно через каждые два дня,
Сон оставив на подушке, в полночь ищете меня!

* * *

Над зеркальной поверхностью пруда
Тишина растаяла в тумане.
Солнце в небе нежится, как в ванне,
А под ним спокойно спит вода.

Надо мною чайки и стрижи
Кружатся, отчаянно танцуют.
Замер лес, как я от поцелуя,
И поют перепела во ржи.

Я сейчас сюда пришёл не зря,
Чтоб не слышать остреньких словечек,
Чтоб послушать, как грустит кузнечик
И как тлеет в тишине заря.

* * *

Мраморное небо протирают тучи
Влажной мешковиной и сырым холстом.
Радостью своею ты меня не мучай,
Я б тебя, пожалуй, выслушал потом.

Я сейчас подумал о былых невзгодах
И о том, что счастья в этой жизни нет,
Что метеоролог набрехал погоду,
И астролог спутал воли всех планет.

Дождь скакал вприпрыжку по лбу щелбанами,
Без зонта до нитки я под ним промок,
И разверзлись хляби высоко над нами,
И из этих хлябей показался Бог.

* * *

Ничего не помню в прошлом, словно память девичья.
За спиной моей осталась жизни половина.
В галерее памяти чёрная картина,
Как пятно чернильное, как квадрат Малевича.

Ночь придёт, закроет небо чёрною пижамой,
Как художник, звёздочками небеса распишет.
Между Сциллой и Харибдой мечется душа моя.
Сам я, как лимон, рукою этой жизни выжат.

Мне с воспоминаньями одному не справиться.
На свои места расставит жизнь всё, как диспетчер,
И столкнёт меня однажды с дряхлою красавицей,
Как с отрывкой памяти, в ночь ушедший вечер.

* * *

Сидит на диетах, стирает, готовит.
Причёска, духи, макияж, маникюр.
И шмотки – не что-нибудь, а от кутюр.
И нежность звенит в каждом сказанном слове.

Танцует брейк-данс и чарльстон, твист и польку.
И барыню пляшет, платок беребя.
И многое знает о жизни, да только
Не знает, кому бы ей сбегать себя!

* * *

Джинсы держатся на копчике с лобком.
Их хозяйке ни чихнуть, ни дунуть.
Все мужчины думают о том,
Как бы им не стыдно было думать.

Брови, уши, ноздри и пупок –
В них блестят железные заклёпки.
На спине, а я б сказал, на попке
Синяя наколка “Чтоб ты сдох...”

На лице румяна, тени, тушь –
В общей массе больше килограмма.
У неё, наверное, нет мамы,

И, наверно, вряд ли будет муж.

Маечка на шесть размеров меньше,
С Барби или даже с гольша.
Может, это лучшая из женщин –
Главное, не внешность, а душа!

* * *

Я от избытка чувств, должно быть, спятил.
Мне нынче быть счастливым тяжело.
В груди стучит любовь, как пёстрый дятел,
Желая в сердце выдолбить дупло.

Есть чувство, не способное на милость:
Смотря с недостижимых высот,
Как червячок вползло и притаилось,
И душу, будто яблоко, грызёт.

Любовь передаётся по наследству.
Я заразился ею через взгляд.
Нет от любви испытанного средства –
Беспомощен бездействующий яд.

* * *

Чем ближе к дому твоему, тем тяжелее,
Трусливо, робко, нерешительно, как в ад,
Идти по коридору липовой аллеи,
Вдыхать дурманящий манящий аромат.

Украдкой в спину ухмыляется свобода
В тени аллеи зеленеющих сердец,
А я плетусь к тебе безвольный, как природа
Не добрый молодец, но... тоже молодец.

Твоя любовь, увы, не расправляет плечи.

Она для сердца будто тесный каземат.
И очень страшно мне идти к тебе навстречу,
Хотя ещё страшнее повернуть назад.

ДЖОКОНДА

1

Не скажу, что я умнее всех –
Может быть, что в чём-то и глупее.
Есть в образовании огрех –
Замолить до смерти не успею.

Никогда не думал о тебе
Как о самой женственной из женщин,
И в диалектической борьбе
От тебя не получал затрецин.

Ты не стала мне одной из муз.
Полюбить тебя немного трусил,
Ведь на мой, неискущённый, вкус
Не красива – не в моём ты вкусе.

2

Нас разделяют ровно пять веков.
Я о тебе сужу лишь по портрету
И по словам каких-то дураков,
Твоей улыбкой так и не согретых.

Их глупость только им наносит вред.
Они в тебе хотят увидеть Ньюшу,
Не понимая то, что твой портрет,
Либи́до обманув, пленяет душу.

Имея необычную судьбу,
Твой взгляд о многом мне поведал вкратце,
Что если в Лувре прорвало трубу,
Ты всё равно обязана смеяться.

3

Участи подобной хуже нет.
Надоели вспышки папарацци.
Леонардо твой писал портрет,
Чтоб над Ренессансом посмеяться.

Для потомков, для простых Емель
Создан им был этот взгляд бездонный,
Чтобы плакал даже Рафаэль

Со своей Сикстинской мадонной.

Чтобы ты загадкою была
Пять веков и более – как нынче,
Вдруг затмив мадонну Бенуа
Хитрым взглядом самого Да Винчи.

4

Ты выше самой высшей из наград:
Тобой не награждаются подлизы...
Малевич мог срисовывать квадрат
Лишь со зрачка великой Моны Лизы.

И потому им не дано понять,
Что есть в тебе особого такого:
Художникам ты многим, будто мать,
Твой взор – свободы крепкие оковы.

А идиоты так и не поймут,
Но пялятся без мыслей и эмоций!
Я не умён, но знаю, почему,
Точней над кем твой чудный лик смеётся!

* * *

Алая роза, цветущая в Вашем саду,
Любит и помнит, как прежде её обоняли.
Любите ль Вы эту розу – эмблему печали?
Алла, я роза, цветущая в Вашем саду!

* * *

В чёрном небе над столицей
Пролетает бабка-Ёшка.
Сердце в грудь мою стучится,
Как незванный гость в окошко.

Я испуган этим стуком,

Как минувшей тишиною.
Жуть! как бабушка за внуком,
Наблюдает ночь за мною.

Я сижу, как Ной в ковчеге,
Одичавший, очумелый.
Знать, забыл о человеке
На свободе голубь белый.

С каждым часом жизнь короче.
Мне осталось жить немножко.
Над Москвой в двенадцать ночи
Разлеталась бабка-Ёшка.

Надо ж, как несправедливо
Поступила жизнь со мною:
Вместо голубя с оливой,
Бабка старая с метлою!

* * *

Я учитель. Брожу сорок лет по пустыне,
И за мною ворчит и плутает народ.
Мы по Красному морю прошлёпали вброд,
Только так и не видели Бога доньне.

Он засыпал нас манной. Она словно снег.
Как по снегу, мы в обетованную землю
Поспешили, а я одного не приемлю,
Если слишком торопится жить человек!

Жаль, что жизнь никогда не попятится раком,
И прошедшего нам ни за что не вернуть.
Мой российский потомок покажет полякам
Через годы единственно правильный путь!

* * *

Вспышки на солнце, магнитные бури –
Много на свете непознанной дури.
Ищем причины и многому верим.
Гризли ЕдРос'ов уселся на терем.

Путь наш друг к другу – вся жизнь – он не долгов.
Что нагадает нам метеоролог?
Не разберёшься в научном сумбуре:
Вспышки на солнце, магнитные бури...

Жизнь корректирует наши прогнозы.
Жить не возможно сейчас без наркоза.
знаком вопроса согнётся осанка.
Счастья набрешет чудная цыганка.

Я, не поверив ей, брови нахмурю:
Много на свете непознанной дури!

* * *

Куранты нам пробьют двенадцать раз,
Шампанское взорвётся белой пеной,
И миллионы ярких звёзд на нас
Посмотрят как на точку во Вселенной.

И эта точка – маленький мирок,
В котором жизнь проходит год за годом,
И смерть никто не впустит на порог –
Она воспользуется чёрным ходом.

На звёзды смотрят миллионы глаз –
Так тленный мир глядит на мир нетленный,
И видят люди в этот поздний час,
Как много ярких точек во Вселенной.

На небе Млечный путь выводит вязь,
Составлен мир Создателем из паззла.
Взгляните, чья-то жизнь оборвалась,
На небе чьё-то солнышко погасло.

А мы живём – и эта ночь пройдёт!
Уже сегодня солнце выйдет утром.
Вступает жизнь сегодня в новый год
Своим решением “жить!” простым и мудрым!

* * *

Росла веточка.
Она была зелёной.

Её сломали.

И как бы ты ни клеил,
Она расти не будет!

* * *

В начале сентября, в начале октября
Она идёт домой с роскошными цветами,
Сжимая крепко в кулаке их, словно знамя.
Надеется ещё, что трудится не зря.

В руке её пакет, тетрадками забит.
На сорок пять минут поделен день и вечер.
Ей двоечник один два раза в год звонит,
А в остальном за жизнь и похвалиться нечем.

Все знают, кто она. И каждый цену ей,
Точней её труду торопится назначить,
Как опытный эксперт, не знающий детей,
Способный подвиг ей зачесть как неудачу.

Премьера каждый день! Спешите на урок!
Она расскажет вам о том, что верить надо,
Желания копить и ждать, ждать звездопада
И выбрать лишь одну из тысячи дорог!

* * *

Поэт – источник истины и света –
И ненавидим, и любим за это,
Но жизнь его – коротка стезя,
Ведь можно стать и дедушкой поэта.
А дедушкой-поэтом стать нельзя!

*

*

*

Облаяла! Вот это голосина!
И даже не смущается ничуть.
И знает ведь доГАДливая псина,
Кого облаять, а кого лизнуть!

* * *

С такой фамилией не станешь президентом,
Премьер-министром, губернатором, главой.
Скажи “спасибо”, что пока ещё живой,
Что не считают оккупантом-интервентом.

С такой фамилией становятся хитрей,
И самый громкий бас перерастает в шепот,
Чтоб каждый божий день накапливался опыт.
А где прошёл хохол... там был уже еврей.

Фамилия моя обманчива, и на спор
Готов идти, поскольку нет тут ничего,
Ведь не краснеет от стыда бордовый паспорт,
Узнав фамилию владельца своего.

С такой фамилией родился и умру я.
Мне стать главою государства по плечу,
Да только не хочу фамилию другую,
И Родину другую не хочу!

* * *

Земля вращается и с каждым днём – быстрее.
У русской и еврея есть два сына.
В Израиле мы русские, в России мы еврей,
И встретит радостно нас только Палестина.

Не то, что пейсы, я усы свои побрею,
Тогда меня арабы не узнают.
Весь мир поделен на две части: на евреев
И на всех тех, кто это тщательно скрывает!

Мои ровесники! Когда мы постареем,
Напомните найти в бумагах писчих,
В стихах, написанных мытищинским евреем,
Стихи о Родине: России и Мытищах!

*

*

*

Я случайно буквы путаю местами.
Вы, должно быть, часто замечали сами.
Оговорки эти неспроста по сути.
Так как каждый из политиков – болтун,
То на языке у очень многих ПУТИН,
Как, простите за сравнение, ТИПУН!

*

*

*

Время сглаживает острые углы,
Как вода булыжник, мой характер точит,
Достаёт мечту мне из-под полы
И взамен её ничего не хочет.

Каждый день другим просыпаюсь я.
Дело не во мне вовсе, а в проблеме:
Если я и есть центр бытия,
Приручил часы – обуздаю время.

Что мои мечты для Вселенной – пшик?
Я привык быть тем, кем ей захотелось.
Щурится Господь – старый часовщик –
Глядя на меня, на мою несмелость.

Тянутся года, крутят шестерни.
Цокают часы и с мечтами теми,
Головой вертя, думают они:
Приручил часы – обуздает время!

* * *

Один пейзаж мне чем-то душу греет.
На нём закат и несколько берёз.
Я не могу разглядывать без слёз
Пейзаж, в котором осень вечереет.

Смотрю и слышу, как шуршит листва,
Как облака по небу проплывают.
Мне говорят, подобное бывает,
Когда так трудно подобрать слова.

Мне эта осень наяву видна –
Без слов, без акварели и без масла.
В моей душе светило не погасло,
Но через час покажется луна.

Проходит год за годом жизнь быстрее.
Я молод, но мне кажется уже,
Что жизнь моя, как осень, вечереет,
Оставив только час в моей душе.

* * *

Под солнцем золотится в поле рожь
И василькам на ушко шепчет тайны.
Тут хлеба столько, что не соберёшь –
Сюда не зарастёт тропа комбайну.

Здесь не определишь, который век.
Люблю (за что – не знаю) эту землю.
Тут снится дубу старому, он дремлет:
То ль кот учёный, то ли дровосек.

И мне всё будоражит память что-то:
Покос травы, луцение жнивья...
Взгляни, мой друг, как из-за поворота
К тебе навстречу скоро выйду я.

* * *

В луже ночью плавает луна,
Как лимона жёлтый ломтик в чае.
Я на небе звёзды различаю,
Стоя у открытого окна.

Лёг туман на плечи стройных сосен.
В небе сдетонировал фугас.
В окнах свет давно уже погас,
И дождём в окно стучится осень.

Под дождём бродил весь день, мечтая.
Сколько я не сделал, сколько мог?!
Жизнь моя – как осень золотая.
Я не от дождя – от слёз промок.

* * *

Ползёт мой взгляд вдоль каменной стены
С наскальной живописью инков и шумеров,
Где, как в рейхстаге, под конец войны
Остались надписи солдат и офицеров.

У каждого из нас своя война!
И впрямь ведь нет на свете лучше места,
Чем галерея в глубине подъезда,
Где разрисованная юностью стена.

* * *

Вкус к жизни изменяется с годами,
И детство так и хочет улизнуть,
Сминая молча память в оригами,
На карте мира пальцем ищет путь.

А всё уже не так! Всё по-другому:
И мир не так велик, и смерть близка,
Иной чем в детстве привкус молока,
И в сотни раз длинней дорога к дому.

Закрашивая хной седые пряди,
Живёшь одной надеждою, не глядя
На то, что жить на свете тяжело.
Однако жизнь прошла – и всё прошло!

Оставив только память нам в наследство,
Застыл на фотографии пейзаж,
Где по деревьям скачущее детство
Наматывает свой километраж.

Но съедены все каши и ватрушки
И в книгах мельче день за днём шрифты,
И в планы превращаются мечты,
И дорожают каждый год игрушки.

Промчалось детство, словно за два дня.
“Зачем живём?” – не спрашивай меня,
Ведь эта жизнь – отнюдь не цель, а средство –
Досталась от родителей в наследство!

* * *

Мои глаза, похожие на йод,
Опущены стыдливо так, что зла нет,
Поскольку птица в клетке не поёт,
А сорванный цветок и в вазе вянет.

И приторная лезть на вкус горька,
А мудрость будто мелочь из копилки.
И вылетает каждая строка,
Как пробка из согревшейся бутылки.

А гений – это тот же идиот,
И тот же ёжик призрачный в тумане,
И птица та, что в клетке не поёт,
И тот цветок, который в вазе вянет.

* * *

Ручьи и реки наполняют океан.
Любой ручей и тот гораздо выше моря.
В его журчанье слышу тысячи историй,
А в океане лишь оптический обман.

В нём гул стоит, и шум, и стон, и рёв, и скрежет.
В нём капли пресных рек накапливают соль.
Роняет слёзы в море юная Ассоль,
Когда на галстуки свой алый парус режет.

Я тоже капля! И меня несёт с волной
В страну чудес с названьем Мир Иной.

* * *

Дрейфую на льдине надежды своей
По жизни, как по океану.
И, кажется, сколько друзей не имей,
А плыть одному постоянно.

На льдине своей покоряю моря,
Спешу от рассвета к закату.
Когда-то пойму я, что всё это зря,
И льдина растает когда-то.

* * *

По команде смеются и плачут,
Смотрят в рот и считают в нём пломбы,
И, как стыд, от начальника прячут
И амбиции все, и апломбы.

Каждый день получают упрёки,
Ежедневно глотают обиды.
Каждый, словно школяр на уроке,
С обалдевшим, растерянным видом.

Грязной лапой начальник влез в душу.
Он не знает, зачем ему это.
И трясёт, как осеннюю грушу,
Подчинённых, не цветших за лето!

* * *

Сомнение – нет тяжелей недуга!
Две копии – один оригинал.
Двух близнецов недавно я узнал,
Похожих, как две капли, друг на друга.

Вот только внешним было сходство их.
И, чувствуется, что-то здесь *нечисто*:
Один упрям, похож на фаталиста,
Другой же верит в бога за двоих.

Один навязчив, он добьётся цели,
Цепляясь, как за нитку, за судьбу.
Другому всюду чудится табу,
Наивный, он на мир глядит из щели.

Я не пойму, кто ближе мне из двух,
Но мне ли относиться к ним предвзято

Они похожи так, как брат на брата:
Один – репейник, и другой – лопух!

Холостой патрон

У меня есть начальник – мужик неженатый!
Средней внешности в общем, со средней зарплатой –
Не сказать, чтобы очень уж, но не простой,
И к тому же на зависть другим холостой.

Не подумай чего, жил, в мечтах *застолбя*
Симпатичную девушку, вроде тебя.
Как ни странно к начальнику женщины льнули,
И одна просвистела сквозь сердце, как пуля.

До сих пор в сердце дырка большая видна.
Оказалась шальной пулей-дурой она.
Этих пуль, к сожалению, в жизни немало –
Настоящая пуля бы в сердце застряла!

Любимая учительница

Железная, почти как Тетчер... леди.
Причёска: цвет окислившейся меди.
В глазах синее каверзный вопрос:
“Какого цвета медный купорос?”

Посмотришь, до чего же хороша!
И зубки-то белее поташа,
Её румянец, пурпурный по сути,
Сравнится может лишь с сульфидом ртути,

Её ладони, милые на вид,
Имеют цвет как марганца сульфид,
Её язык – пурген, попавший в щёлочь,
Она прекрасна, да вот только... мелочь

Мешает ей счастливой в жизни стать,
Ведь ставит “два”, в уме поставив “пять”.
Поэтому и жизнь её как сажа.
Пусть золотом обвешается даже,

Понятно всем, что сажа – не алмаз,
И медный блеск давно в глазах погас.
Но кто-нибудь её возьмёт за руку
И скажет ей: “Гидрид твою науку

Испортит странной формулой своей!”
Нет, неужели скажет это ей?..
Скажу, конечно, посмотрев на солнце, я,
Блеснув глазами, как сульфидом стронция.

* * *

Наша жизнь устроена, как тут ни хитри,
Знаем ситуацию всю мы изнутри!

Над собой начальников сколько не имей,
Все налоги пожирает трёхголовый Змей!

В уши губернатору эти бы слова!
Если бы у каждого был такой Глава!

Змей-Горыныч преданно охраняет нас.
Ждут, дрожа, чиновники: выйдет ли указ.

Словно сон кошмарный, но только наяву
Скоро будут выборы – выберем Главу...

Змей-Горыныч – умница, что ни говори:
Отрубашешь голову – вырастает три!

* * *

Фельдмаршал Ночь – во лбу звезда-кокарда –
Как будто из Авроры в мир палит.
Обратно в небо полетел болид –
Не то, что новогодняя петарда!

Под крик “Ура!” ворвётся новый год
И обстреляет потолок шампанским,
Китайским или же азербайджанским –
Госсанэпиднадзор не разберёт.

А телевизор мне по всем каналам
Покажет, как смущённый государь
Назначит счастье людям на январь,
Кроя гробы по импортным лекалам.

Я верю, будет славным новый год,
И счастье мне достанется, хоть долька,

А, может, не достанется, поскольку
По-прежнему безмолвствует народ.

Завьёт декабрь седые бакенбарды
И сложит полномочия, кряхтя...
А новый год, как малое дитя,
В него запустит все свои петарды!

Осторожно: дети!

Наши школьники готовятся в шахиды.
Безобидные бенгальские огни
На петарды сменят радостно они
И взорвут страну с невозмутимым видом.

Если им ещё достанется страна.
Если их родители её не сплавят.
Дети ждать себя, поверьте, не заставят,
И родителям достанется сполна!

Может, кто-то скажет, я лукавлю тут?
Пусть со мной поспорят мамы-папы эти,
Что не видели тот знак, где все бегут,
Называющийся “Осторожно, дети!”

* * *

Во мне есть что-то очень хулиганское.
Что именно – никто не разберёт.
Когда сэякулирует шампанское,
Влетая смело пробкой в новый год,

Моя душа, судьбою умудрённая,
Из пяток, что есть силы заорёт.
А время, пробкой оплодотворённое,
Поздравит с днём рожденья Новый год.

Как телесериалы мексиканские,
Промчится жизнь, протиснется вперёд,
Когда сэякулирует шампанское
И превратит в зиготу новый год!

* * *
Одни – смотрю всё время я
И с грустью замечаю –
Заслуживают премии,
Другие – получают!

Линия жизни

Работая всю жизнь, учитель не поймёт,
Как может стать министром идиот.
Ребёночку шесть лет, но все: и стар, и млад –
Спихнуть ребёнка в школу норовят.

Наивно веря: “знания – не в силе”,
Несчастнейшего с детства нагрузили:
Мешок со сменкой, с книжками рюкзак.
Судьба – один размашистый зигзаг,

А не прямая на твоей ладони.

Ребёнку всё рано, кто на иконе.
Он учится, душой и сердцем чист.
Не крепкий троечник, а слабый медалист.

Ребёнок рад и этой тройке твёрдой.
Он, как Василий, человек не гордый
И, так и быть, согласен на медаль:
Не пять, а три. Хм! Не золото, а сталь.

Не самый умный, правда, самый стойкий,
А что поделаешь, у остальных есть двойки?!
Сказал учитель, пальчиком грозя:
“За двойки получить медаль нельзя!”

Год сентябрём начав, закончив маем,
Агностик скажет: “Мир не познаваем!”
По-своему он прав – чего скрывать! –
А кто за правду не поставит “пять”?!

Сейчас готов, да только рановато,
Мог стать министром – нету аттестата!
А аттестат потребует потом,
Чтоб где-то подешёвке взять диплом.

И если это сделать очень быстро,
На сдачу можно получить “министра”,
И быть министром до седых волос,
Чтоб утереть учительнице нос!

* * *

Лысый кактус! На тебе гадали?
Все иголки вытащили зря?
А любовь пришла, пришла? Едва ли.
Я не верю, честно говоря.

Жизнь твоя разбита на осколки.
Ты цветёшь не чаще, чем раз в год,
И не лепестки твои – иголки
Вырывает страстно идиот.

Отыскал к любви он путь окольный,
Нагло-нагло наголо подстриг.
Он не думал, что растенью больно,
Он не слышал плач, мольбу и крик.

У любви есть свой цветок – он знамя.
Люди свято верят, что глупы
Ты и та, которая с шипами.
Для чего, скажи, тебе шипы?

Тесную зелёную рубашку
Понапрасну на себе не рви.
Ни какая роза, ни ромашка –
Ты – и только ты – цветок любви!

* * *

Это знает каждый бездельник –
Ну что ты с него возьмёшь?
Имеющий много денег
Дерётся за медный грош.

Подлизы шуршат у трона:
“Да мы за тебя умрём...”
Но можно купить корону,
Да так и не стать царём!

У жизни свои законы,
И жизнь ты не проведёшь,
Ведь можно иметь корону
И драться за медный грош!

* * *

Нужно быть прижимистым на чувства.
Нужно быть скупым на похвалу.
И искать не славу, а хулу,
Но не опускаясь до паскудства.

Не искать себе чужих проблем
И не быть таким сентиментальным,

Не воспринимать слова буквально,
Делать и не спрашивать «зачем?»
И таким ты будешь нужен всем!

* * *

Сегодня ровно десять лет, как я закончил школу,
Как вышел робко за порог, в затылке почесав.
Сегодня ровно десять лет, как в жизни нет футбола,
Как в жизни десять лет совсем другая полоса.

По этой полосе кривой – не белой и не чёрной,
Иду я десять лет один неведомо куда.
Не знаю ни одной из догм и аксиом бесспорной,
А школьные товарищи теперь уж господа!

Иная жизнь теперь у них, и у меня иная.
Они ведут своих детей гурьбою в детский сад.
А я живу, а для кого, пока ещё не знаю.
И прошлого не изменить и не вернуть назад!

* * *

Я хочу с тобой расстаться
В день, когда придёт склероз,
Без каких-то подтверждений,
Без обетов и без слёз.

Я уйду неторопливо,

Не краснея, не смеясь.
Я уйду, с бутылкой пива
Заступив из грёз да в грязь!

Да, сегодня нелегко мне,
Я твержу: “Не вешать нос!”
Всё, что я сегодня помню,
Завтра выметет склероз!

Счастье – плод галлюцинаций –
Не туда и не сюда!
Я хочу с тобой расстаться!
Так, чтоб раз и навсегда!

* * *

Я нескладный, я такой нескладный!
В сердце грусть титрует тишину.
Там, где «нет», я говорю: «да ладно!»
Там, где хвалят все, я вдруг кляню.

Я, как рыба, выброшен на сушу,
До меня нет дела никому.
Одного лишь я до смерти трушу,
Если мне ответят почему.

* * *

В груди замуровали боги беса!
Там мышшь скребётся, там гремит кузнец,
Там бьётся, будто в скорлупу птенец
И тяготно вопиет повеса.

А я по-тарабарски ни бельмеса!

Мне кажется, там кто-то есть, в груди,
Пригрелся, присосался, как гируда.
На мне паразитирует! Откуда?!
А, ну-ка, кто там? Слышишь, выходи!
Там кто-то есть, попробуй проследи.

В груди взрывают шахты горняки,
Эмоции бурлят внутри, как магма,
Вибрирует в икоте диафрагма,
И подреберье ноет от тоски.
А в пульсе бес, он рвётся из руки!

* * *

Ночь пройдёт. Пусть ноют в сердце рваном
Страсть и гнев на самого себя.
Ночь исчезнет с утренним туманом,
В облике рябого голубя.

В небе звёзды бодрствуют вяло.
Я клянчу ночную духоту...
Ой! Одна заснула и упала,
Чтобы воплотить мою мечту.

У меня других желаний нету,
Мне б увидеть милую во сне,
На Парнасе, где живут поэты,
Чтоб она туда пришла ко мне,

Чтобы вдохновение в ладошке
Принесла, как камень бел-горюч,
Чтоб, её завидя, хоть немножко
Напоил меня Кастальский ключ.

Не заснуть. Лежу в своей постели
Лазарем, который не воскрес.
Может быть, придёшь на самом деле
И разбудишь к жизни интерес?!

Я проснусь, глаза отверзнув, встану
И отправлюсь за тобою вслед,
В край, где ночь рассеялась с туманом,
В край, где ищет истину поэт,

Как лунатик, что самозабвенно
Бродит зачарованный луной.
Поцелуй! И я проснусь мгновенно
И пойму, что жизнь моя негленна
И что смерти не было со мной!

* * *

Судьба отформатирована вся
Традицией и самым здравым смыслом.
Тут люди верят не словам, а числам,
На тонкой шее толстый крест неся.
Им плюй в глаза – с них как вода с гуся!

Наивные! И я в душе факир!
Вино я превращаю в воду, дабы
Красавицами местного масштаба
Не покорён был мой невзрачный мир.
Без электронов не бывает дыр!

Не добываю истину из книг,
Стираясь каждодневною наждачкой.
И сколько ручкой свой блокнот ни пачкай,
Пока ты в эти тайны не проник,
Ты для вселенной полупроводник!

В банальной мысли истина близка.
Её банальной признают потомки.
Мир в сердце, как сокровище в котомке!
За ним сухая тянется рука,
Но жизнь не остановится, пока

Ребёнок учит жизни старика!

* * *

День за днём уходит юность –
Шире и быстрее шаг!
По ночам смотрю на лунность,
Выйдя пьяным на большак.

С каждым годом я старею,
Слыша истину в бреду.
Чем года летят быстрее,
Тем я медленней иду.

*

*

*

Не нужен никому романтик малохолдный!
Мне лучший друг сказал, что я страдаю зря,
Но он обыкновенный – ему до фонаря.
Кто боли не познал, тот не поймёт, как больно.

Мой телефон молчит четыре долгих дня,
А ты так и не вспомнил ни разу про меня.
Вокруг меня снуют пигмеи, черти, тролли,
Но упоенье есть и в сладострастной боли!

Как манит эта боль! И ты напрасно шутишь.
Обычный человек, безрог ты и бескрыл!
Я думал, что умру, и ты меня забудешь,
Но я ещё не умер, а ты уже забыл!

* * *

Я скажу, но не сердись – не нужно.
Иногда и гордость не права.
Жизнь сложнее, чем кажется сперва,
Потому и время равнодушно.

Тем, кто знает всё, живётся скучно.
Счастлив тот, в ком красота жива.
Тот, кто чувствам подобрал слова,
Видимо, живёт со всеми дружно.

Я – другой! Я знаю цену лжи.
Чем тебя обидел я, скажи?!
Может, откровенностью своею?

Я с тобой был искренен, а ты
Не постигла странной красоты,
О которой я сейчас жалею.

* * *

Я не обязан быть любимым,
А не любимым не хочу.
Прохожий, проходящий мимо,
Поставь за здоровье свечу.

За то, чтоб умер я здоровым,
С улыбкою, в расцвете лет,
Чтоб обо мне не плакать вдовам,
Идя за катафалком вслед.

Чтоб я смотрелся в белых тапках
Смешно, хотя и не без слёз.
Чтоб белых ландышей охапку
Ты мне на кладбище принёс.

Чтоб предпочёл бы стопку водки
Блинам, кутье и киселю.
Моя судьба была короткой,
Как фраза "я тебя люблю".

Тогда б и повстречаться нам бы!
Ты нынче нем и слеп, как крот.
Наступит время и для ямба,
Когда безмолвие пройдёт.

* * *

От одиночества сойду с ума,
Но жду, когда закончится зима.
Придёт надежда следом за весной
И навсегда останется со мною.

А если смерть опередит, то мы
Не доживём до будущей зимы...
Сегодня вырастает из вчера,
Депрессией сменяется хандра,

Сравнить бы жизнь с огромной кофемолкой!
Да пьяный дед мороз храпит под ёлкой,
Напился вусмерть водки задарма!
Смотрю и жду, когда пройдёт зима.

Надежды нет по-прежнему со мною,
И вряд ли мир изменится весной,
Ведь птицы за окном поют не мне.
Моя тоска гнездится в тишине.

Уставившись в оконные пюпитры,
За мыслью мысль почкуется, как гидра.
Печаль стоит безмолвно у окна
И ждёт, когда за ней придёт весна.

Так ждёт дитя родителей в саду.
От одиночества с ума сойду!

* * *

Смотрю в закат, стоящий кверху дном,
И думаю о том, что жизнь нетленна.
На небе лакмусово-щелочном
Видны следы фенолфтале... пургена!

Какая красота! Ты посмотри!
Под небом, где-то здесь живут медведи
В лесу под цвет хлорида хрома три
И основного карбоната меди.

Проходит жизнь. Никто не виноват
В том, что она проходит полным ходом
Горчащая, как магния сульфат,
И пахнувшая сероводородом.

* * *

Я свою жизнь истратил
На то, чтоб понять, как же так:
Каждый первый – предатель,
А каждый второй – враг?!

Нет, я не ною, но факты
Свидетельствуют без причин...
И если, мой друг, не дурак ты,
То даже с друзьями молчи!

Со мною играл Создатель,
И мне предлагал ничью.
Обманщик! Я чуть не спятил!
И с Ним я теперь молчу.

* * *

С открытою душой, с распахнутым забралом
Полковник свято верит, что станет генералом.
Не пьёт, не ест, не спит. Погоны подобрал.
Да только не уходит в отставку генерал.

И звёзды не растут. И их как прежде много.
Лысеет голова. Нога идёт не в ногу.
А старый генерал смеётся на юру.
“Отставка? Ни за что! Да я скорей умру!”

И как тут не крути, а всё же шансов мало
Полковнику надеть погоны генерала.
А тот кричит: “Ура!” – и сам бежит вперёд.
Полковник до него полковником умрёт.

* * *

Возвращаюсь в рай на электричке.
Из Москвы. Я побывал в аду,
Где бомжи играют в чехарду,
Где нахально-пафосны москвички,
Где любой москвич, как печенег.
Город, где ворюги и барыги,
Где, как персонаж из Красной книги,
Я – обыкновенный человек.

Этот город – пригород Кремля.
Все абреки – Пети, Васи, Вани –
Русские, практически славяне,
И давно уже здесь их земля.
Я у “новых москвичей” в гостях.
Жду, как бедный родственник в прихожей.
Я для москвичей не вышел рожей,
Обо мне не слышно в новостях.

Правду не печатают в газете,
И об этом знает каждый хлыщ.
Где-то на окраине Мытищ
Расположен рай на этом свете.
Путь к нему проложен по прямой.
У меня к его дверям отмычки.
Возвращаюсь в рай на электричке,
Возвращаюсь в рай, к себе домой!

* * *

Я в жизни был обманутым немало.
От правды в этой жизни только вред!
Хочу, чтоб мне цыганка погадала,
Да только тщетно, так как денег нет.

Все деньги в банке, только где та банка?
“Цыганка – лгунья!” – люди говорят.
Да разве ж может так же лгать цыганка,
Как лжёт министр или депутат?!

Не скрою, быть обманутым приятно.
Как уши отвисают под лапшой!
Министр – не цыганка, лжёт бесплатно,
С улыбкой и открытою душой.

Ему не верить не имею права.
Таким лжецом быть, нужен божий дар.
Обходится дороже нам халява,
Чем той цыганки честный гонорар!

* * *

Проблем достаточно. Их постоянно много.
И, знаешь, меньше их не будет никогда.
Когда мне трудно, в час, когда придёт беда,
Зову на помощь или маму, или Бога.

За Бога всё же отвечать я не могу,
А мама как всегда спешит на помощь сразу.
Прости меня, Господь, за вычурную фразу,
Но я не пред Тобой, пред матерью в долгу.

Прости меня за то, что я с Тобой так прямо
И хоть я не безгрешен, но душою чист.
Я убеждён, как убеждённый атеист,
Что, если есть на свете бог, то это Мама!

* * *

Да, миром управляют весёлые картинки:
Чем больше номинал их, тем сердцу веселей.
Меняется их облик: бордовые ворсинки
Толкают в нумизматы порядочных людей.

Их водяные знаки, их кипп-эффект с пунктиром
Блестяще-серебристым мне не подделать – нет!
Бумажный разноцветный кумир, что правит миром –
Билет на жизнь в толкучке и банковский билет.

Кто жизнь прожил, горбятся, не видел даже близко,
Чтоб ими заплатили кому-нибудь за труд.
Шершавый идол этот эквивалентен риску:
Одни всю жизнь ишачат, другие же им врут.

Рискуй, а не работай! Тогда разбогатеешь
И купишь честь и совесть, и ум приобретёшь,
Иначе, умирая, поймёшь, что ты имеешь
Одну святую правду ценою в стёртый грош.

Уйдут с тобой навеки и сотни комплиментов,

Которые при жизни ты так и не застал.
В зеленоватых лицах заморских президентов
Читается, что Карлик придумал “Капитал”!

* * *

Трудно быть богом, наверное, трудно
Видеть мой грех и стоять в стороне.
Кто-то считает, что жизнь – это судно,
Парус, летящий навстречу волне.

Жизнь – это судно? Отнюдь, это льдина
Та, что, дрейфуя, стремится на юг,
Та, на которой здоровый детина
Верит по-детски наивно: а вдруг?

Льдина растает вдали от причала
В миг, когда крикнет детина: “Зем-ля-а-а!”
Сердце застыло, душа замолчала,
В горле комок, а на шее петля.

В мыслях один Чернышевский с вопросом.
Крикнешь: “Земля!”, а увидишь мираж.
Локти кусая и хлюпая носом,
Думай, как счастье взять на бордаж.

И под себя гребь брассом, подспудно
Богу молись и внимай тишине.
Трудно быть богом. Наверное, трудно
Слышать молитву и быть в стороне.

* * *

Город на земле. Город под землёй,
Там, где кольцевая мыльною петлёй
Сдавливает горлышко столице.
Где туда-сюда ходят поезда,
и за поездами год за годом мчится.

Там, где турникет челюстью стучит,
Скалит волчью пасть, укусить старается.
Что ни говори, а надёжный щит
От ушастых и безбилетных зайцев.

В будке бабка спит, сверстница метро.
Головной убор алый – цвета крови.
Только красной шапочке, знал бы Шарль Перро,
Нужно быть на стрёме, или наготове.

Просочится бомж, проскользнёт шахид,
Проползёт студент... Как гласит пословица:
Умный всё поймёт, умный промолчит.
Метрополитен каждому открыт,
Только жизнь – не поезд – вряд ли остановится.

* * *

Нетерпеливый, как бикфордов шнур,
Сгорает день, чудной до беспредела,
И ночью появляется Амур
И запускает сказочные стрелы.

Влюблённый проходимец – он лопух,
В его крови тайфуны и цунами,
Меняет треуголку на треух,
Хмелеет без вина и бдит ночами.

Он встречи ждёт до наступленья дня
И взгляда, что как небо голубое.
Тень дразнит, как юродивый, меня,
Дополнив одиночество собою.

* * *

Я не смогу оставить в жизни след,
Почив, как должно, молодым поэтом.
Мне страшно: мне твердят повсюду “Нет”,
Хотя страшней, когда молчат об этом.

Когда ни да, ни нет, ни тпру, ни ну –
Задашь вопрос и ждёшь всю жизнь ответа.
Я чувствую какую-то вину,
Вину негениального поэта!

Как будто я нарушил жизни ритм:
Не в ногу шёл и пел не в такт напрасно.
А есть ли у успеха алгоритм?
И жизнь хоть у кого-нибудь прекрасна?

Казалось бы, живу – одет и сыт,
Но этого, по-видимому, мало.
Теперь я понимаю суицид:
Перечеркнуть, чтоб всё начать сначала!

* * *

Я одержим несбыточной мечтою:
Любить тебя такой, какая есть.
Ты думаешь, что я тебя не стою,
Что я отцвёл, а ты лишь будешь цвести.

Цветок наполнит мир благоуханьем.
Отверзнув, словно длань, зелёный лист,
Собой украсит сад, и утром ранним
За ним придут садовник и садист.

Его сорвут и бросят вянуть в вазе.
И выкопают корни из земли,
Что люди впредь не нежились в экстазе
И красотой спастись не могли.

Я отцвету невзрачным, но душистым,
И, лепестки роняя на песок,
Умру назло садовникам-садистам,
Умру за тех, кто умереть не смог!

* * *

Безжизненный, уставший, равнодушный
Сажу на кухне, молча глядя в пол.
Мне ничего теперь уже не нужно,
Хочу, чтоб Бог скорей за мной пришёл.

Пришёл за мной... или ко мне всего лишь,
И никогда не покидал бы вновь.
Мои грехи молитвой не замолишь,
Не смоют их ни водочка, ни кровь.

Я – тот, кому не место в этом мире.
Я – тот, кто с нетерпением смерти ждёт.
Лень вешаться и делать харакири.
Смерть не спешит. Ползут за годом год.

Я должен научиться жить, стеная,
Ждать смерти год за годом, день за днём...

И расхотеть, поняв, что я не знаю,
Что будет после смерти – что потом?

Огонь в глазах то вспыхнет, то потухнет.
Я голову руками обниму
И сяду, опустив глаза, на кухне
И буду долго думать, почему
Такой дурак не нужен никому.

* * *

Душа. Холодный вакуум засасывает грёзы.
А ритуальный танец чувств – насмешка над табу.
Эмоции, застывшие морщинами на лбу,
Познавшие и вонь цветов и аромат навоза,
Как Lego собирают жизнь в единую судьбу.

Душа сжигает истину, разбавив этанолами,
Ища для справедливости лазейку, чёрный ход.
Но кто мне скажет, что цветок не прав, когда цветёт.
Цветы прекрасны, но удел их быть обоеполыми.

Цветы прекрасны, спору нет. нам нравятся самим,
И, обрекая их на смерть, мы рвём их неустанно.
Сорви цветок. Засохнет он. Засохнет время с ним.
Они от одиночества, скорей всего, и вянут.

Истлеет красота цветка среди земных невзгод,
И жизнь его продолжится в другом цветке, но позже.
Цветок зачахнет, дух его перенесётся в плод.
А я другой: и мне не плод, а красота дороже!

Надеюсь, кто-нибудь меня в цветении сорвёт,
Чтоб икебану вечности и я украсил тоже!

* * *

Как странно всё это! Как будто проклятие,
Как будто повинен я в смертных грехах,
Как будто я плоть, обращённая в прах,
Как будто всю жизнь пролежал на кровати я.

Ты думаешь, я не достоин тебя:
Не в меру умён, не красив, не опрятен,
Не всеми любим и не многим понятен.
Почти что как солнце – и я не без пятен! –
И, зная об этом, живу, не скорбя.
Я счастлив, что я не достоин тебя!

* * *

Родным Мытищам восемьдесят лет.
Наш город был селом в начале века.
А нынче нет в Мытищах человека,
Который смог бы точный дать ответ,
Что будет через восемьдесят лет!

* * *

Дождь процеживает воду
Через марлю облаков.
Ветер, любящий свободу,
Гордо рвётся из оков.

На губах печаль прогнулась,
Грустный рот согнув дугой,
И любовь ко мне вернулась,
Став какою-то другой.

Взгляд уставлен сквозь пространство,
И в глазах без огонька
Нет былого постоянства:
Вместо бодрости – тоска.

Тихо шепчутся берёзы,
Грустно глядя на меня.
Дождь роняет молча слёзы
На глазах у всех полдня.

Надо мною грусть нависла:
Грустным мыслям нет числа.
И рука как коромысло
Крепко шею обняла.

Нежность эта не в угоду –
Мне не та рука нужна.
Дождь упрямо сеет воду,
Встав меж нами как стена.

* * *

Субботнее утро растаяло в дымке лиловой,
В зелёных аллеях по-прежнему дремлет июль.
Плетусь по проспекту вдогонку за ласковым словом,
За пресной тоской, от которой нет горьких пилюль.

В серебряной луже лежит отражение неба,
Которое ветер за бороду треплет с утра.
Всю жизнь как старик, я как будто бы юношей не был,
Ворчлив и угрюм, а как будто стать мудрым пора.

На улице пусто. Спит город по гнёздам и норам.
Ехидное солнце смеётся, вися надо мной,
А я прохожу как мороз-воевода дозором,
И взгляд мой хозяйский, наверное, с виду смешной.

Я гость в этом мире. Непрошенный гость и

нежданный.

Я как пациент, что припёрся к больному врачу,
Спросить сколько времени? скоро ль на одр с дивана?
Мне скучно. Устал. И нигде я лежать не хочу.

Мир замер и умер, а утром, ожив, стал как новый.
Я тот же. Иду на туман, так похожий на тюль.
Субботнее утро растаяло в дымке лиловой,
В зелёных аллеях по-прежнему дремлет июль.

* * *

Страна не оправдавшихся надежд.
Обитель счастья сырых и убогих.
Судьба подобна кольцевой дороге:
По кругу жизнь – за рубежом рубеж.
Стою на месте. В голове – мятеж.
И скачет сердце – друг четвероногий.
Перед глазами люди-полубоги –
Их лица каждый день одни и те ж.

Себя надеждой праведной не тешь:
Одним – халупы, а другим – чертоги,
Одни в хитоне, а другие в тоге,
Одни под париком скрывают плешь,
Другие бреют голову – в итоге
Двух клоунов влечёт один манеж –
Обитель счастья сырых и убогих!

* * *

За сотню я купил пиратский диск.
За радость бы я выложил и двести.
Переполняет душу дикий визг:
Сегодня я и счастье снова вместе!

Сверкает диск, дисперсией маня.
Я представляю, как танцуют руки
У дирижёра, что лишь для меня
Из воздуха выдёргивает звуки.

В моей душе семь нот слились в мажор.
Как звать тебя, величественный сводник?
Ах, если б только знал ты, дирижёр,
Как ты меня со счастьем свёл сегодня?!

* * *

Час пик. Автобус. Не до жиру.
Впритирку едут пассажиры.
Зажали накрепко меня,
Отняли полтора червонца.
Ну, надо же! И незнакомцы
Бывают ближе, чем родня.

* * *

Я смотрю на жизнь с усмешкой,
Возвращаясь вновь домой.
Предсказуемый, как пешка,
Я хожу лишь по прямой.

Никогда не отступаю,
Не мечусь и не юлю.
Вера *наслепо* слепая
В короля и королю.

Я отмёл его поддержку.
Путь лежит мой в чернозём.
Говорят, плоха та пешка,
Что не хочет быть ферзём.

Не хочу – клянусь безбожно –
У меня своя стезя:
Пешке там ферзём стать можно,
А наоборот нельзя.

* * *

Переживаю-пережёвываю мысли,
Брожу по комнате, как будто заплутал.
Мечты со временем в моей душе прокисли,
Взошла ночная грусть на лунный пьедестал.

Уселся на диван, и слипшиеся веки
Отверзли мир иной, где всё чуть-чуть не так:
Там горы смотрят вниз, текут обратно реки,
Щебечут соловьи: “Полцарства за пятак.”

И всё же там – не тут, как ни парадоксально!
Мошенник этот, сон, переиначил явь.
Ах, я б ему сказал: “Полцарства дам за спальню,
Где Лету пьёт Морфей, переправляясь вплавь.”

* * *
Не объективно отношусь к себе,
Хотя уверен, есть на свете лучше,
Куда красивей и умней меня,
Но я такой один.
Людей на свете много,
А я такой один.
Я у себя один.

* * *
В маннокашенных сугробах
Спит усталая земля.
Ёлки в белоснежных робах
Встали, зиму веселя.

Дед спускается на туче
На пленэр, писать пейзаж.
Солнце, как унылый дуче,
Тускло светит в город наш.

Снег на белых парашютах
В маскхалатах тут и там

По привычному маршруту
И за мною по пятам.

Я в подъезд, и он за мною.
Я за дверь, и он в окно.
Он на туче, как в каноэ,
Уплывёт ведь всё равно.

* * *

Ночь проткнула небо шпагой,
Достучавшись до небес,
И торчит луна-бедняга –
Позолоченный эфес.

Солнце утром в мир вонзится
Бесконечным острием,
Как страницу за страницей,
Пролистаю день за днём.

Я намну бока подушке,
Дотянуть бы до утра.
Дети! Их игра в “Войнушку” –
Это вечная игра!

* * *

Сегодня умер враг –
Недобрый человек,
И плачет полумрак,
Роняя слёзно снег.

Я понял лишь сейчас,
Снедой как Ричард Гир,
Без каждого из нас
Не полон этот мир.

* * *

Нас отличают какие-то числа:
Данные, даты, очки, номера.
Нас отлучает от здравого смысла
Завтрашний вывод о глупом вчера.

Зря к справедливости не апеллируй –
Знает аскет и поймёт нувориш,
Как ни рассчитывай, как ни планируй,
Всё же погрешности не избежишь.

Время отпустит и грех и погрешность,
Не было б поздно начать всё с нуля.
Нас обрекают на разную внешность,
Равенство душ разным людям суля.

Равенства не было, нет и не будет –
Знают об этом и Бог и Аллах.
Нас окружают такие же люди
С разными душами в разных телах.

Не совместимы, как горькое с кислым,
Каждый имеет характер-печать.
Мы различаем друг друга по числам
Вместо того, чтобы не различать.

* * *

Я иду под дождём листопада,
Озираясь на звёздное небо.
Две строфы зарифмованных надо
Обменять на желанье у Феба.

Восемь строк, зарифмованных просто –
Это бартер с банальной корыстью.
Я хочу, чтобы падали листья

Так, как осенью падали листья.

* * *

Некто не питерский и не московский
Гетеро-а-сексуальный playboy
Высказался: “Ну и что, что Чайковский –
Гений, зато ведь он был голубой.”

Страх прозвучал в осуждении громко,
У отморозков-то кровь горяча.
Гений запомнился геям потомкам –
Жаль, очень жаль им Петра Ильича.

Да, он влюблён был в племянника – было!
Раз уж так вышло, то что же тогда?
Где бы обрёл он подобную силу,
Если бы с ним не случилась беда,

Если б любил он какую-то клушу
В стоптанных тапочках и бигуди –
Разве б он смог выжать в музыку душу,
Студень – не камень – имея в груди?

Страшно, когда не забыть, не открыться,
Не переделать себя ни на такт.
Спиться нельзя, но нельзя и не спиться,
Глянь на старух – воплощённый инфаркт!

Мир поделён на цветы и соцветья
Те, что завидуют крупным цветам
И отрицают второе и третье –
Может быть, истина именно там?!

Пропагандировать это не буду,
Но и не дам свою душу остричь!
Музыка-музыкой – это же чудо
Мог написать только Пётр Ильич!

Только Чайковский, больной безнадегой!
Гений – кто может взять верх над судьбой,
И в этом мире с моралью убогой
Жить, оставаясь всё время собой.

В собственной жизни, в себе, а не в сказке
Образ шелкунчика гений нашёл.
Мир разукрасил волшебною краской
И посмотрел и сказал: “Хорошо.”

Он был живым человеком – и только.
Гений ответил себе, почему
Он был влюблён безнадежно настолько,
Что не дай бог, не-дай-бог никому!

* * *

Я смотрю с тихим недоумением,
Удивляясь обычным вещам.
С робким трепетом, с благоговением
Собираю судьбу по знаменьям,
Окончательно в ней обнищав.

Не ищу никакой я корысти, но
Просто так я судьбою любим.
Мной страница её перелистана.
Пусть смеётся лукавая истина
Над словарным запасом моим.

Мне хотелось бы на смех обречь её.
Образ был у меня – да, чёрт с ним!
Образ слову не стал бы предтечей и
В том немое моё красноречие,
Не поэт им владеет, а мим!

* * *

Еду в автобусе, слёзно скучая,
Я от осенней печали продрог.
Хочется выпить горячего чая,
Чтоб разогреть в себе несколько строк.

Чтоб отпустить их, как птицу на волю,
Освободиться от грусти своей,
Чтоб не калили меня, не кололи,
Не соблазняли, как проклятый змей.

Делаю вид, будто не замечаю,
Как они что-то бормочут во мне.
Хочется просто горячего чая,
Чтобы захлопнуть в блокнот сгоряча их
И подремать, подремать в тишине.

* * *

Я поэт, я вижу знаки,
Знаки странные во всём:
В лае бешеной собаки,
Караулящей мой дом.

В книгах старой графоманки
С идиотским тиражом,
В обещаниях цыганки
С бестолковым куражом.

Я о знаках знаю мало,
Тут меня любой поймёт:
Знак, где негр идёт по шпалам,
Означает переход!

* * *

Крашу крышу.
Аккуратно – валиком.

Тёщин дом – ответственный объект...
.....
Про то, что я гимнаст, не расскажу им.
Пусть думают, что так умеют все!

Ю. Петрунин

Мытищи. Центр. Там, за парком где-то
Огонь горит всегда – ну, как в аду!
У ГДК *тусуются* поэты,
Я попросту к поэтам подойду,

Найду одну строку, нахмурю брови
И проведу какой-нибудь ликбез.
Не нужно славить бога в каждом слове,
Не нужно! Лучше бы КПСС!

Поэт – шлифовщик, сварщик, слесарь – сложно
Писать стихи про мир, про труд, про май!
Наверное, про бога тоже можно,
Но не в стихах, иначе – ай-ай-ай!

Прочту поэтам я чего попроще,
Наверное, любимое своё,
Про то, как краской красил крышу теще,
Чтоб этой краской задушить её!..

Советский человек не льстит буржуйам!
Поэты внемлют мне – да ты взгляни! –
О том, что я поэт, не расскажу им,
А так не догадаются они!

* * *

Я там не был. Мне так сказали.
Я об этом подписку дал.

В. Шаров

Я там не был. Не надо грязи!
Я всегда был такой большой!
И в медкарте ни в коем разе
Врач не стал бы кривить душой.

Я не помню себя в утробе –
Это, знаете ль, не склероз!
Врач не бил бы меня по попе,
Я б его не ударил в нос!

Я всегда был такой, с усами,
И всегда служил в МЧС.
Кто не верит, спросите сами
У немых, как шпион, небес.

Крика не было – было тихо.
В мир, как в душу, решил я влезть.
Ни к чему поднимать шумиху,
Я-там-не-был! Вопросы есть?!

* * *

Нет в жизни счастья и истины нет,
Вера в себя, как фантом, иллюзорна.
Жизнь мною прожита неплодотворно,
Жизнь, как автобус: кондукторшей вздорной
Мне был оторван несчастный билет.
Нет в жизни счастья и истины нет!

Кто виноват в несуразности этой?
Это кондукторши мелкая месть:
В сумке надутой билетов не счесть,
Хоть среди них и счастливые есть –
Всё-таки больше несчастных билетов!
Кто виноват в несуразности этой?!

Не из стихов вырастает поэт.
А из несчастной судьбы и страданий,
Переступая сознания грани,
В мир бессознательных грёз и желаний
Он переходит, как полночь в рассвет.
Не из стихов вырастает поэт!

Нет в жизни счастья и истины нет!

* * *

Зима кидается снежками,
Да так, что все летят в меня.
Зима копила снег годами,
Чтоб разбросать его в два дня.

Как снег метёт. Рассвет вдали сник.
Идти пешком ещё версту.
Сосна – мутант-тысячелистник
Огромнейший – стоит в цвету.

Метель порхает мотыльками,
От снега мутным стал весь день.
Зима кидается снежками,
И всё в меня, и ей не лень!

* * *

Соседка пожалела чашку чая –
Не рюмку водки, не бокал вина!
Она мне улыбается, встречая,
Приветлива, невинна и нежна.

Мудрей гусыни в мультике про Нильса!
В её глазах бегущая строка:
“Ах, боже мой, да чтоб ты провалился!”
Причём ведь не со зла, а с кондачка.

Она отбила мне охоту к чаю,
И вместо обличительных тирад
Я ей всегда улыбкой отвечаю,
Мол, якобы и я ей тоже рад.

* * *

Мне девушка эта весь день исковеркала,
Хотя абсолютно я с ней не знаком.
Прикид – как по темечку бьёт молотком,
Не зная о том, что на свете есть зеркало.

Овечьё лицо. Интонация мула.
Я обескуражен, а только взглянул:
На попу размером с диван – не со стул –
Кривые колготки она натянула.

От юбки осталась кокетка одна,
И та, так сказать, ей едва ли по бёдра.
И смотрит старик вожделенно и бодро
На то, чем почувствует взгляд тот она.

* * *

Боже, забери меня себе,
Как старуха забирает сдачу.
Так, как воробей у голубей
Отбирает мякиш – не иначе.

Забери, как забираешь звук,
Отделив его от инструмента,
Дудочку меняя на дудук,
В пианиссимо задув крещендо.

Забери, скорее забери!
Разорви – не жалко упаковку –
Чтоб увидеть, что же там внутри.
Чтоб увидеть и вздохнуть не ловко.

Крест тащил, не думал о горбе...
Забери, как враг забрал мой ужин.
Слышишь, забери меня к себе –
Тут я больше никому не нужен!

* * *

Мы с тобой говорим обо всём:
Об искусстве, политике, моде.
И при том, что мы разные вроде,
Мы с тобой постоянно вдвоём.

Ты моя равноценная часть.
Откровенность меня распирает,
Но, замолкнув, заметил вчера я,
Мне с тобой некомфортно молчать.

* * *

Я опьянённый дыханьем черёмухи,
Сев на скамейке в душистой тени,
Анализировал старые промахи,
Глупые, опытом стали они.

На голове уж для шишек нет места,
Я урожаем их с детства богат.
Это приданное грусти-невесты,
С ней мне до гроба плестись наугад.

* * *

Мне говорят: “Ну, как тебе не стыдно
Звать бога всуе по 100 раз на дню?”
Мне стыдно? Мне за них обидно:
Зовут-зовут его, его не видно,
Но я его за это не виню.

Не дедушка на облаке, не птичка –
Бог видит, слышит, смотрит на меня
В гудке летящей мимо электрички,
В моей автоматической привычке,
В ламбаде сумасшедшего огня,

В текучести воды необратимой,
В покорности взъерошенной земли,
В безмолвии камней Иерусалима
И в электричке, пролетевшей мимо,
Одно ту-ту оставившей вдали.

Я, с понтом, пантеист! Я верю в бога,
Икается ему сто раз на дню.
Я вижу, он со мной – и это много!
Я, наконец, нашёл к Нему (!) дорогу,
А не в религиозную фигню!

* * *

Есть у меня друзья, они в тени,
Поэты средне-слабые по силе.
Они ползут, а я всё время в мыле,
Ворчат и хвалят, и грозят: ни-ни.
Но если бы писал я, как они,
Они бы ни за что не похвалили!

* * *

Есть многообещающее имя
Обманной красоте и ложной ласке.
Целуясь, ты не закрываешь глазки,
А как-то отстранённо водишь ими.

И счастьем есть какая-нибудь мера!..
Любовь и ложь, а где-то между ними
Есть многообещающее имя,
Распространённое и даже очень...

* * *

Прости меня, прости в сто первый раз.
Опять, в сто первый раз, сошёл с ума я.
Как вышло так, и сам не понимаю:
Я плюнул в душу, а течёт из глаз!

* * *

Равнодушное звёздное небо
Безразлично глядит на меня.
Я впервые задумался, где бы
Раздобыть Прометею огня.

Не себе, а убогим и сирым,
Вырастающим в псов из волчат,
И прикованным цепью к квартирам,
Правдорубам, что хором молчат.

Разогреть бы их на сковородке,
На которой готовят в аду,
Чтоб ожог от огня – не от водки
Смог открыть им глаза на беду.

Не прошу им таланта у Феба
И любви у Эрота, дразня.
Мне бы только додуматься, где бы
Раздобыть Прометею огня!

ЛЕСНАЯ ИСТОРИЯ

Я весь день плутал по лесу,
видел сонную гадюку,
Слушал птичьи серенады
и прононсы кабана.
Наслаждался ароматом трав,
вникая в их характер,
Трав, что запахом и цветом
объяснялись мне в любви.

Опьянев от кислорода,
я сроднился с хвойным бором
И с берёзовою рощей,
и с кустарником и мхом.
Солнце – то, что ежедневно
обо всей земле печётся.
Видно, к вечеру устало,
притомилось и спеклось.

В небе вышла каравелла,
на которой алый парус,
Но Ассоль пройдёт по небу
в час, когда корабль пройдёт,
И над нею грустной бледной
наклонится страх стоокий.
Это только возле дома
небо звёздное и всё...

Я в лесу остался на ночь
без фонарика, без спичек,
Без палатки, провианта
и без меткого ружья.
Ночь пришла глаза зажмурить.
Я встал к дереву и, стоя,
Спал, держась рукой за ветку,
спал и падал, спал и па...

Вдруг гроза. И дождик мерно
бьёт-лис-тву-се-кунд-ной-стрел-кой,
И мне кажется, что ночью
приближаются ко мне
Волчья стая, рысь с медведем,
но на самом деле вряд ли.
Это просто кто-то выполз:
или ёжик, илимышь.

Светлячки сверкают рядом.
Это гномы прячут в норы
Золотишко и не знают
то, что я смотрю на них.
Или всё же это волки,
и блестят глаза их алча?
Или папоротник тот, что

на Купалу не зацвёл?

Нет, скорее это леший,
что запутав все тропинки,
Разложил передо мною
путеводные клубки.
До рассвета продержаться б!
Но заметно холодает,
И отстукивают зубы
на морзянке: “SOS! SOS! SOS!”

Опа! Выстрел! Н-да, контрольный.
Ночь, гроза, но долг не терпит!
Кто-то вывез в лес баклана
и казнил: в затылок – джь!
Справа гул – шоссе, наверно.
Слева, видимо, деревня.
Там собака редко лает,
и петарды: Хлоп! Хлоп! Хлоп!

Я стою. Я врос корнями
в землю, из которой родом.
Каково же жить деревьям,
что всю жизнь вот так стоят?!
Если спрашивает ветер,
пожимать в ответ плечами,
Если кто-то взял за ветку,
молча до утра терпеть.

Вот светает. Не светает.
Это тучи гонит ветер,
И от этого светлее,
но на самом деле – ночь.
Дождь водой залил болота.
Пль-пль-плещутся русалки,
И кикимора бормочет –
на ночь выгнал домовой.

Шепчут, квакая лягушки:
“Квак квасива эква аква!
Акварель. Москва. Квадраты.
Квантор. Эквадор. И квас...”
Кто поймёт их – земноводных!
Им известно обе жизни.
Им известно два наречья:
на земле и на воде!

Утро медленней, чем вечер.
Вечер гасит свет, как в театре.
Утром солнце, просыпаясь,
долго тянется, как я.
Но сегодня по-другому:
я не сплю, а так, кимарю,
И проснуться мне сегодня
в сто раз проще, чем заснуть.

Всё: светает. Это точно.
Вновь иду блуждать по лесу.
Буераки, буреломы,
за просветом вновь просвет.
То болота, то овраги,
то трава стоит по пояс,
То я сам стою по стебель,
междоузлие и лист.

И уже грибы не в радость!
Мой язык прилип к гортани.
Я бы душу продал чёрту
за глоток простой воды.
Я молился – бесполезно!
Бог не слышит идиотов!
Чёрт меня понёс по лесу
слушать птичьи голоса,
Собирать грибы попутно,
похмеляться кислородом,
Задышаться от восторга,
видя аленький цветок!
Не привык я пить из лужи.
И не пить уже нет мочи.
Я ищу глазами жадно,
чем бы жажду утолить.

Но великие друиды
развели костёр холодный.
Вяжущий на вкус и сочный
подмосковный виноград.
Он оранжевого цвета,
цвета веры и надежды.
Мой, он мой по гороскопу –
не оставит он меня!

Всюду топи да трясина.
Разнотравье здесь бушует!
Сухоногая старуха
бродит тут с кривой клюкой,
Собирает в полночь травы:
разлюбин и белый *ладныш*.
И из бородавок жабы
варит юношам отвар.

Шмель билайнового цвета,
будто бы бомбардировщик,
Надо мной ревёт и кружит,
и пикирует комар.
Я прислушиваюсь к шуму.
Тихо, лишь вбивает в сердце
Восклицательные знаки
добрый дядька Вапаткач.

Этот лес, как пересмешник.
Он страшит многоголосьем.
Многоликий и спокойный,
он смеётся надо мной.
Только я отсюда выйду,
ориентируясь по солнцу.
Ориентируясь по сердцу,
я найду обратный путь.

Мне его подскажут птицы,
на него укажут ветви,
И дорожную разметкой
станут яркие цветы.
Я, наверно, выйду к морю
фиолетовых люпинов,
Где струится дым из печки,
и старушка ждёт меня.

У неё на окнах ставни,

а в углах пучки растений,
Из которых варит зелье
приворотное своё.
Перед окнами крапива
и репей с чертополохом,
Кот облезлый влез на дуб и
там гуляет по цепи.

У неё склероз с маразмом,
и спина как знак вопроса,
Я прошу её: “Старуха!
Дай-ка мне свою метлу!
Я умчусь на ней к любимой,
что в окошко смотрит плача,
К той, которую люблю я,
к той, что точно ждёт меня!”

А старуха отвечает:
“Что ж ты брешешь, сизый голубь?!
Я уж что-то в жизни смыслю!
Ты не любишь никого!
Ждёт тебя одна девица
и красива и разумна,
Только ты её не любишь –
от неё ты убежал!

Мокошь-мать-земля сырая
не простит её страданий,
Будешь ты петлять по лесу –
такова твоя юдоль!
Леший спутает тропинки,
день за днём и ночь за ночью
Ты к избе на курьих ножках
возвращаться будешь вновь!

Лес сломает норы гордый.
Напою тебя настоем
Я из ладныша попова,
и откроются глаза.
И увидишь ты дорогу,
прямо к чёрту на куличики,
Прямо к дому, где царевна
молча плачет у окна.

Сорок дней твой путь продлится
мимо леса, луга, поля.
По просёлочным дорогам,
где плутает Переплут,
Ты дойдёшь к своей любимой,
как к утру доходит солнце,
Прорываясь через звёзды,
Через темень и луну.

Ты твердишь, как заклинанье:
“Всё как будто не со мною!
Как в кошмарном сне, где ужас
останавливает кровь...”
Явь, где страх в затылок дышит,
где ты брошен даже Богом,
Это кара. И совет мой,
научись ценить любовь!”

СОДЕРЖАНИЕ

Стр.

Об авторе (Н. Стернин, В. Федосов)	3
Седые волосы, а в них дурные мысли...	4
Ветер ангажировал листву...	5
Родное моё Подмосковье...	6
Взгляни, обыкновенное зерно...	9
Наблюдаю за бутоном...	10
Хочется верить, что будет не хуже...	11
Сон – репетиция смерти...	12
Месяц – в профиль. Молчалив и прост...	13
Спасибо за твоё «Спокойной ночи»...	14
Только в твоих объятиях ...	15
Представитель прошлой эры...	16
Ворона, будто старая еврейка...	18
Мне досталась в наследство тётка...	20
Мне двадцать пять – я подвожу черту...	21
Кто стихи взахлёб читает часто...	23
Перебираю чётки терпеливо...	24
Тот, кто болеет душою...	25
Ночь распята на крестах подъёмных кранов...	26
Синий, зелёный и серый цвета...	27
Кулисы, в которых разрез для лица...	28
Из сердца выкорчёвываю память о тебе...	29
Я не знаю, может, так и надо...	30
Я родился обычным, несчастным...	31
“Я поэт и этим интересен”...	32
Гордиться особенно нечем пока...	33
Раньше я любил одиночество...	34
Желтеют листья на осенних клёнах...	36
Берёза-берёза, сестра милосердия...	38
Мы живём, всю жизнь мудрея...	39
Хочется на сей раз обмануться...	41
Жертва необъявленной войны...	42
Страдаю от любви неразделённой...	43
Я пришёл на приём к депутату...	44
Живу пока – чего ещё...	45
У телефона молча, как с кубышкой...	46
Жизнь – это нечто... на палочке...	48
Зима полна немислимой печали...	49
АД – алмазная долина...	50
Мне снился Версаль и его мушкетёры...	51
Ржав или рыж, как от хны, закат...	53
Когда-то, друг мой, отвезут и нас в морг...	54
Эти волосы пахнут ромом...	55
В моей груди блуждает пустота...	56
Хочу купить три сотки на луне...	57
Мы с тобой не виделись три стихотворения...	58
Наши троллейбусы рядом стоят...	59
Смотрю на небеса лазурно-синие...	60
Мой начальник ходит в мини-юбке...	61
Я помню всё: глаза, как горький шоколад...	62
Откуда скандальная слава...	63
Когда заря стальное солнце плавит...	64
Снег – обычное дело зимой...	65
Другое поколение – как инопланетяне...	66
Снег растаял. Март подкрался...	69
Деревья руки стирают к Богу...	70
Люди ищут жизнь на Марсе...	71
Наша жизнь состоит из дверей...	72
Наука начинается с греха...	73
Ночь гадает на кофейной гуще...	75
Брожу, как тень, по городу ночному...	76

Повод надеяться греет мне душу...	78
Я – рябина. Я не дерево – кустарник...	79
Проклятый пригород, проклятый...	80
Захотелось пощупать стихи...	81
Бог создал мир, чего в нём только нет...	83
Душное воончее метро...	84
Откуда дует ветер...	85
Всем доволен. Может быть, впервые...	86
Любовь прошла, и листья облетели...	87
Ласковой мечты прикосновенье...	88
Рукой ласкаю курточный карман...	89
По благу рожают, по благу хоронят...	90
Целый день одно и то же...	91
Человек без родословной...	92
Разложу пасьянс “Косынку”...	94
Шепчутся деревья-исполины...	96
Ультрафиолетовое хамство...	98
Я учитель. Во мне это с корнем...	99
ВЫПлёвывает жизнь детей во взрослый мир...	100
Мучаюсь в домыхлах, где же вы, где же вы...	101
Ночь пришла с предсказаньем оракула...	102
Осень подводит итоги...	103
Да, я царь. И я всю жизнь в опале...	104
Поэт умирает – ему не до жмуток...	105
Кто такие русские? Скорее...	106
Последним словом будет междометие...	107
Эпигоны знают сами...	108
Сегодня смотрел телевизор...	109
ЖениТЬбу я всегда считал проблемой...	111
“Бог” и “богатство” – слова с одним корнем...	112
Жизнь бьёт меня: чем дальше, тем сильнее...	113
Поздним вечером смотрю в окно...	114
К зиме на небе вишня отцвела...	115
Я иду долиной смертной тени...	116
Тебя понять, мой друг, не мудрено...	117
Гости ходят косяками...	118
Я люблю до умопомрачения...	119
За окном открываются чудные виды...	120
Твоя ладонь упёрлась мне в грудную клетку...	121
Иногда мне бывает так больно и грустно...	122
Весь день слежу за солнцем, как подсолнух...	123
На свете ради нескольких мгновений...	124
Какая красивая девушка...	125
Песочные часы просеивают время...	126
Свет в меня солнышком тычет...	127
Среди необоснованных бессонниц...	128
Я закутавшийся в мысли...	129
Я долго ехал мимо свалки...	130
Житейский опыт копыт втихомолку...	131
Поэзия больше, чем слово...	132
Учусь у деревьев терпению...	133
Два брата – две ягодки с ветки одной...	134
Фильм. Любовь. И вот он – голый зад...	135
Как много всякой нечисти вокруг...	136
Стая кружится над городом...	137
Безлунна ночь – видать, погасло солнце...	138
Первый снег провёл разведку боем...	139
Зависть – нет страшней недуга...	140
Нос – не просто орган нюха...	141
Какой аромат был у липы на лапах...	142
Плетусь за облаком в надежде выйти к раю...	143
Огонь выкуривает джина из листьев...	144
Мир переполнен духами-духами...	145
Да, кавказцы эмоциональней...	146
Какое выражение лица...	147
Крыса-радость сбежала бы с тонущей в грусти души...	148
Что же за время? Быть умным не модно...	149
Странное имя у девушки этой...	150
Сегодня в небе нету облаков...	151
Нашу глупость – не иначе...	152
Как становятся поэтом...	154
Душа, ворча, сутулится...	155
В этом городе серокаменном...	156
Думаешь, что я не обижаюсь...	157
Гвоздика. Удивительный цветок...	158
Я люблю природу всей душой...	159
У собаки очень грустный взгляд...	160
Дождь стучит, вбивая капли в землю...	161
Смотрю американское кино...	162
Мы с тобою взглядами столкнулись в коридоре...	164
Закат отражается в окнах, ни много ни мало...	165
Любовь угасла. Страсть остыла. Странно...	166
Везу продукты, будто запряжённый...	167
Ты не прорицатель, не пророчь...	168
Снился мне ад – настоящее горе...	169
Нет, против свадьбы я не возражаю...	170
День пролетел, как по небу болид...	171
Любовь – это больше, чем прихоть, мечта и каприз...	172
Я с каждым годом становлюсь мудрее...	174
Мне кажется, что жизнь прошла напрасно...	175
Я согнут, как стальная арматура...	176

Я жил три дня приклеенным к окну...	177
Нечеловеческий талант...	178
Жизнь вонзает в спину нож...	179
В моей душе предчувствие беды...	180
Я иногда соображаю туго...	181
Все послали к чёрту в одночасье...	182
Природа машет флагом Украины...	183
Казалось бы, недавно, в школьном детстве...	184
Я знаю, я, конечно, не подарок...	185
В сомнениях ёрзает и ёрничает бес...	186
Не суди по песни птицу...	187
Привязанность – это странное чувство...	188
Живу среди нахрапистых пигмеев...	190
Прости за то, что я неидеальный...	191
Смотрю на Ваш портрет...	192
В регистратуру очередь большая...	193
“Дворником устроился на лето...	194
В книжнице я тут прочёл одну...	195
Гордыня – страшный грех. И это мне не ново...	196
Сердечные раны не лечат зелёной...	197
В реальной жизни всё совсем не так...	198
Живу одной надеждою на встречу...	199
Растираю пальцами виски...	200
Будь снисходителем: не всем дано...	201
Я горжусь не тем, что крут...	202
Я так скучаю по тебе, тебя мне не хватает...	203
Бываю я жестоким, как ребёнок...	204
Я выплакал все слёзы – теперь мой плач без слёз...	205
Ни нос, ни губы, ни глаза, ни уши...	206
Как на дыбе, я б повис на дубе...	207
Собака Павлова – обманутая псина...	208
Я бы умер, но не в этом дело...	209
Я в жизнь твою влетел на танке...	210
Я эгоист. Я так тебя люблю...	211
Неужели так и не простишь...	212
Под окном цветёт жасмин...	214
Я влюблён в сомнения свои...	215
Смотреть, как плачет парень, нету сил...	216
Ищу в телевизоре нужный канал...	217
Правда – это тот прекрасный повод...	218
Сделать из амбара ЦУМ...	219
“Живёт в Мытищах поэтесса”...	220
Конечно, президент – такой же человек...	221
Я простак. Я поэт тридцать третьего сорта...	223
Я очень люблю Новый год...	224
Наша жизнь сродни похабной песни...	225
Меня вчера облаяла собака...	226
Какой-то бомж меня окликнул: “Брат!”	227
Спускаюсь в тартар метрополитена...	228
Как хорошо живётся дураку...	229
Вечер пахнет клеверно-полынным ароматом...	230
Разорвано письмо, но почерк бесподобен...	231
Неслучайно я Вас встретил на прогулке в час ночной...	232
Над зеркально поверхностью пруда...	233
Мраморное небо протирают тучи...	234
Ничего не помню в прошлом, словно память девичья...	235
Сидит на диетах, стирает, готовит...	236
Джинсы держатся на копчике с лобком...	237
Я от избытка чувств, должно быть, спятил...	238
Чем ближе к дому твоему, тем тяжелее...	239
Джоконда	240
Алая роза, цветущая в Вашем саду...	242
В чёрном небе над столицей...	243
Я учитель. Брожу сорок лет по пустыне...	244
Вспышки на солнце, магнитные бури...	245
Куранты нам пробюют двенадцать раз...	246
Росла веточка...	247
В начале сентября, в начале октября...	248
Поэт – источник истины и света...	249
Облаяла! Вот это голосина...	250
С такой фамилией не станешь президентом...	251
Земля вращается и с каждым днём – быстрее...	252
Я случайно буквы путаю местами...	253
Время сглаживает острые углы...	254
Один пейзаж мне чем-то душу греет...	255
Под солнцем золотится в поле рожь...	256
В луже ночью плавает луна...	257
Ползёт мой взгляд вдоль каменной стены...	258
Вкус к жизни изменяется с годами...	259
Мои глаза, похожие на йод...	260
Ручьи и реки наполняют океан...	261
Дрейфую на льдине надежды своей...	262
По команде смеются и плачут...	263
Сомнение – нет тяжелей недуга...	264
Холостой патрон	265
Любимая учительница	266
Наша жизнь устроена, как тут ни хитри...	267
Фельдмаршал Ночь – во лбу звезда-кокарда...	268
Осторожно: дети!	269
Во мне есть что-то очень хулиганское...	270
Одни – смотрю всё время я...	271

Линия жизни	272
Лысый кактус! На тебе гадали...	274
Это знает каждый бездельник...	275
Нужно быть прижимистым на чувства...	276
Сегодня ровно десять лет, как я закончил школу...	277
Я хочу с тобой расстаться...	278
Я нескладный, я такой нескладный...	279
В груди замуровали боги беса...	280
Ночь пройдёт. Пусть ноют в сердце рваном...	281
Судьба отформатирована вся...	283
День за днём уходит юность...	284
Не нужен никому романтик малохолный...	285
Я скажу, но не сердись – не нужно...	286
Я не обязан быть любимым...	287
От одиночества сойду с ума...	288
Смотрю в закат, стоящий кверху дном...	289
Я свою жизнь истратил...	290
С открытой душой, с распахнутым забралом...	291
Возвращаюсь в рай на электричке...	292
Я в жизни был обманутым немало...	293
Проблем достаточно. Их постоянно много...	294
Да, миром управляют весёлые картинки...	295
Трудно быть богом, наверное, трудно...	296
Город на земле. Город под землёй...	297
Нетерпеливый, как бикфордов шнур...	298
Я не смогу оставить в жизни след...	299
Я одержим несбыточной мечтой...	300
Безжизненный, уставший, равнодушный...	301
Душа. Холодный вакуум засасывает грёзы...	302
Как странно всё это! Как будто проклятие...	303
Родным Мытищам восемьдесят лет...	304
Дождь процеживает воду ...	305
Субботнее утро растаяло в дымке лиловой...	306
Страна не оправдавших надежд...	307
За сотню я купил пиратский диск...	308
Час пик. Автобус. Не до жиру...	309
Я смотрю на жизнь с усмешкой...	310
Переживаю-пережёвываю мысли...	311
Не объективно отношусь к себе...	312
В маннокашанных сутробах...	313
Ночь проткнула небо шпагой...	314
Сегодня умер враг...	315
Нас отличают какие-то числа...	316
Я иду под дождём листопада...	317
Некто не питерский и не московский...	318
Я смотрю с тихим недоумением...	320
Еду в автобусе, слёзно скучая...	321
Я поэт, я вижу знаки...	322
Мытищи. Центр. Там, за парком где-то...	323
Я там не был. Не надо грязи...	324
Нет в жизни счастья и истины нет...	325
Зима кидается снежками...	326
Соседка пожалела чашку чая...	327
Мне девушка эта весь день исковеркала...	328
Боже, забери меня себе...	329
Мы с тобой говорим обо всём...	330
Я опьянённый дыханьем черёмухи...	331
Мне говорят: "Ну, как тебе не стыдно..."	332
Есть у меня друзья, они в тени...	333
Есть многообещающее имя...	334
Прости меня, прости в сто первый раз...	335
Равнодушное звёздное небо...	336
Лесная история	337

НАВИСТЬ

рефлексикон

Читая в первый раз хорошую книгу, мы испытываем то же чувство, как при приобретении нового друга. Вновь прочитать уже читанную книгу, значит, вновь увидеть старого друга.

Вольтер

Хорошая книга – искренний друг! Когда она тебе надоела, она не сердится, и когда ты ей веришь, она тебя не

обманывает.

Турецкая пословица

Nullus est liber tam malus, ut non aliqua parte prosit.
Нет такой дурной книги, чтобы чем-нибудь не была полезна.

Плиний Старший

Художественное фото “Созерцатель”
работы Наили Назаргалиной

Фотохудожник Алексея Комарова

Рисунок “Юная беспечность” художника
Павла Соболева

Художник Татьяна Бондарева

Подписано в печать 05.12.2006 г. Формат 70 x 100 1/32.
Бумага офсетная. Печать офсетная. Тираж 500 экз.